

АНТИДИПЛОМАТИЯ

МОДЕЛИ, ФОРМЫ, МЕТОДЫ, ПРИМЕРЫ И РИСКИ

Русская версия

Альфредо А. Торреальба

2018

Альфредо Торреальба

**Антидипломатия: Модели, Формы,
Методы, Примеры и Риски**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Торреальба А. А.

Антидипломатия: Модели, Формы, Методы, Примеры и Риски /
А. А. Торреальба — «ЛитРес: Самиздат», 2018

С середины XX века количество военных конфликтов между государствами заметно сократилось, и, вполне вероятно, что причиной тому послужили достижения дипломатии. В последние годы стали появляться так называемые «антидипломатические стратегии», которые в значительной степени способствовали установлению мира. Эти стратегии не так хорошо известны, однако, широко используются дипломатическими службами по всему миру как дополнение к традиционным дипломатическим механизмам, которых, порой, бывает недостаточно для достижения поставленных целей.

© Торреальба А. А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Предисловие	5
Введение	6
Разновидности внешней политики	19
Типы внешней политики	21
1.01. Постдипломатия	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Альфредо А. Торреальба

Антидипломатия: Модели, Формы, Методы, Примеры и Риски

*Он – отличный учитель, но ему нужно прочитать ещё две книги,
забыть другую, и он начнёт думать как я...*

Предисловие

С середины XX века количество военных конфликтов между государствами заметно сократилось, и, вполне вероятно, что причиной тому послужили достижения дипломатии. В последние годы стали появляться так называемые «антидипломатические стратегии», которые в значительной степени способствовали установлению мира. Эти стратегии не так хорошо известны, однако, широко используются дипломатическими службами по всему миру как дополнение к традиционным дипломатическим механизмам, которых, порой, бывает недостаточно для достижения поставленных целей. Вместе с тем, антидипломатические стратегии характеризуются практическими методами, которые, в большинстве случаев, являются незаконными, аморальными, нелогичными или же подрывают статус министерства иностранных дел. Таким образом, антидипломатические стратегии являются политически функциональными, однако на уровне института они способствуют тому, что традиционная дипломатия теряет свой миротворческий потенциал.

Не вызывает сомнений тот факт, что сегодня дипломатия находится на перепутье, выбирая между традициями и современностью. Сложность и неоднозначность региональных, государственных и международных политических сценариев, качество руководства политических элит, взаимодействие людей на разных уровнях, «ненаучность» научных сообществ – все это создает оптимальные условия для перехода дипломатии к новым стратегиям, отвечающим современным условиям и бросающим вызов методам, история которых насчитывает более трех с половиной тысяч лет.

Введение

Ключевые Слова: Антидипломатия, Дипломатическая гарантия, Дипломатическое обязательство, Дипломатическое представительство, Дипломатия, Дипломатология, Исходная дипломатия, Квоты суверенитета, Креативная дипломатия, Рутинная дипломатия, Ультердипломатия.

На сегодняшний день идею о том, что дипломатия – это «*искусство ведения международных переговоров*», можно считать ошибочной. Стоит служащему дипломатического корпуса совершить некий «искусный» маневр, как он в кратчайшие сроки может лишиться работы. Связь «дипломатии» и «искусства» происходит из тех далеких времен, когда дипломаты еще не были ограничены в своих правах и свободах, ведь сегодня их деятельность четко регулируется международными нормами и законами. Всё тщательно спроектировано и бюрократизировано. То же самое касается и дипломатического делопроизводства. И каждый современный дипломат прекрасно знает, что выход за рамки этой парадигмы может быть расценен как неподчинение. Несомненно, дипломатия изменилась. Сформирован целый институт дипломатии, и теперь дипломаты не имеют должной «свободы» для реализации своей деятельности.

Однако вопреки сложившимся обстоятельствам, на некоторые дипломатические службы все же возложена огромная гражданская и международная ответственность. Для них не остается ничего иного, кроме как пользоваться «прорехами» в законодательной системе и, при поддержке национальных политических элит, вводить в практику «креативные» дипломатические стратегии. Применение «особых» стратегий помогает добиться разрешения сложных социальных и политических проблем. Данные дипломатические службы осознают, что традиционные стратегии не принесут желаемых результатов во внешней политике. Иначе говоря, они не эффективны в рамках современного мирового политического сценария, который с каждым разом становится все более глобализированным, независимым, разноплановым, коллективным, сложным, динамичным, враждебным, требовательным, головокружительным и юридически целостным.¹ Именно по этой причине дипломатические службы склоняются к тому, чтобы отказаться от привычных и начать применять альтернативные стратегии, которые бы дополняли их деятельность и помогали справляться с неблагоприятными обстоятельствами международной среды, тормозящими развитие государственных и дипломатических институтов.²

В целом, дискуссии по поводу замены одних дипломатических стратегий другими – это лишь малая часть того, что в наше время окружает дипломатию. Как одно из подтверждений важнейших изменений, произошедших в дипломатии во второй половине XX века, можно вспомнить кризис неолиберальной модели государственного строя; многочисленный международный интерес со стороны государств к сферам, далеким от экономики, политики и вооружения; многообразие типов и форм участников международных отношений;³ возрастающую

---

¹ По словам Висенте Торрихоса, вместо утраченного идеологического радикализма и стратегической биполярности, действовавших во времена Холодной войны, сейчас, более чем когда-либо, государства и другие участники международных отношений находятся в поиске сотрудничества, контрибуции, признания и возможности урвать место в эпицентре международных отношений, что позволит им с особой легкостью маневрировать на благо своих целей, в отличие от ситуации, существовавшей несколько лет назад. См. TORRIJOS, Vicente. 2000. *Política Exterior y Relaciones Internacionales*. Universidad del Rosario. Argentina. С. 126.

² VILLEPIN, Dominique. 2003. In: DELO. Ljubljana, Slovenia. 25–10–2003. (07–04–2004). <http://www.diplomatie.gouv.fr/actu/bulletin.es.asp?liste=20031028.es.html&submit.x=12&submit.y=2>

³ Марсель Мерлие определяет «участника международных отношений» так: это «любой представитель власти, организация, группа (...) или любой дееспособный индивид... на международной арене». Для него участники международных отношений подразделяются на общественные, частные, государственные, периферийные, муниципальные, национальные, местные, межправительственные группы и частных лиц, которые не представляют интересов государства и выполняют важную роль

тенденцию связывать национальные государственные интересы с развитием конкурентоспособности на международной арене, а не с укреплением государственного суверенитета; постепенное превращение государства в основное действующее лицо на международной арене и потерю его суверенитета;⁴ распространение новых вызовов и угроз на международной арене.⁵

Как известно, само понятие «дипломатия» появилось еще в древние времена. На протяжении многих веков люди стремились разгадать ее тайны. За это время было написано столько книг междисциплинарного характера, что на сегодняшний день просто невозможно интегрировать такое огромное количество информации. Многообразие точек зрения по этому вопросу сделало дипломатию одной из самых обширных и «ужасно расплывчатых» сфер для человеческого понимания.⁶ Множество коннотаций усложняет попытки выявить конкретные идеи, характеризующие это явление. Учитывая все возможные трудности, мы не станем углубляться в данную проблематику, поскольку это может замедлить наш и без того «извилистый путь». Более того, ныне существуют серьезные труды различных научных сообществ, посвященные именно этим проблемам. К данным источникам стоит обратиться, чтобы подвести итог по столь существенным вопросам, как, например, значение термина «дипломатия». Среди них особенно отличается группа работ в рамках политической социологии международных отношений. В отличие от традиционного юридического, политического, экономического, военного, философского и международного подхода в изучении дипломатии, «Политическая социология международных отношений» представляет собой интересную теоретическую альтернативу, разграничивающую дипломатию и то, что ею не является.

По словам французского политолога Дидье Биго (Didier Bigo), «Политическая социология международных отношений» стала синонимом «деколонизации» научного лагеря, освобождения международных отношений и политологии от английского языка и главенствующего влияния Соединенных Штатов в вопросах стиля написания и оформления научных работ.⁷ Если быть точнее, ученых этого исследовательского лагеря⁸ *«отличает манера трактовки проблемы международных отношений, центральным элементом которых становится дробление различных политических организаций на общественные объединения, отрицание телеологического видения мира без границ; и, в то же время, попытка представить международные отношения как точку пересечения социальных объединений и их взаимодействия, отвергающая, таким образом, общие и частные перспективы».*⁹ «Различные политические организации», о которых говорит Биго, и являются «институтами», участвующими в международном сценарии. Отчасти из-за их внутренней раздробленности, «Политическая социология международных отношений» исследует те из них, которые играют наиболее важную роль в международных отношениях (публичные, частные и смешанные). Именно они позволяют понять,

---

в международных отношениях, неправительственные организации, многонациональные компании, международные политические и церковные организации, высокопоставленные лица, преступные группировки, предпринимательские и потребительские сети, религиозные лидеры и общественное мнение. См. MERLE, Marcel. 1991. Sociología de las Relaciones Internacionales. Editorial Alianza. Spain. С. 334.

⁴ STEMPEL, Jhon. 1995. Recasting Diplomacy. Escuela de Diploma y Comercio Internacional Patterson. Conferencia preparada para la 36 Convención Anual de la Asociación Internacional de Estudios. США. См. PLISCHKE, Elmer. 1979. Modern Diplomacy: the Art and the Artisans. Editorial: American Enterprise Institute for Public Policy Research. США.

⁵ LÓPEZ, Ernesto. 2001. La agenda de seguridad humana: el caso del MERCOSUR. In: Seguridad humana, prevención de conflictos y paz América Latina y el Caribe. Compilación de la Reunión de Expertos. Facultad Latinoamericana de Ciencias Sociales. Chile. 26–27 November.

⁶ MARSHALL, Peter. 1997. Positive diplomacy. Basingstoke: Macmillan Press. США. С. 7.

⁷ В действительности, часть данной работы не была оформлена по стандартам США, поэтому там она может быть предана «анафеме».

⁸ По большей части выходцев из политической социологии, критической криминологии, политической географии, политической антропологии и теории политики.

⁹ BIGO, Didier. 2011. Pierre Bourdieu and International Relations: Power of Practices, Practices of Power. In: International Political Sociology. Vol. 5. No. 3. Перевод: Lucrecia Rubio Grundell. С. 225–258.

каким образом объединяются группы внутри различных политических центров. Сравним ситуацию с муравейником. Чтобы проследить связи внутри него, необходимо обратить внимание на наиболее оживленные его центры. Институты, с точки зрения «Политической социологии международных отношений», являются теми самыми оживленными центрами, которые помогают определить, как организуются группы людей в международном «муравейнике».

Помимо этого, Биго напоминает, что публичные институты, в отличие от частных и смешанных, объединяют в себе большее количество людей, что дает возможность осуществлять политический контроль. Публичные институты, осуществляющие международную деятельность, по сути и есть дипломатические институты, представляющие государство. Их внутренняя логистика основана на системе «руководитель – подчиненный», что обеспечивает устойчивость и стабильность, столь важную для представителей внешней политики государства. При таком раскладе дипломаты становятся членами дипломатического института. Это означает, что они подчиняются малым группам, обладающим наибольшим политическим влиянием внутри института, в то время как их деятельность регулируется бюрократическими нормами, что еще раз подтверждает их зависимость от национальных политических элит и институтов. Следовательно, дипломатические стратегии, которые дипломаты применяют для достижения внешнеполитических целей, неразделимы с идеями подчинения и стабильности института.¹⁰ Дипломатические стратегии зависят от иерархических структур института. А те, в свою очередь, принимают лишь те стратегии, которые не представляют угрозы их деятельности и целостности института. «Одобрённые» дипломатические стратегии приобретают «квоты суверенитета» (*англ.* Quotas of Sovereignty) и «дипломатическую гарантию» (*англ.* Diplomatic Guarantee).

Начнем с того, что, с точки зрения «Политической социологии международных отношений», государство (как институт) благодаря своему суверенитету имеет две огромные привилегии. С одной стороны, центральному правительству дозволено устанавливать политические механизмы для проектирования внешней политики. С другой – для ее осуществления. Таким образом, если центральное правительство решит распределить часть этих привилегий между другими организациями, политическими деятелями и государственными институтами, оно предоставит квоты суверенитета своего государства. В действительности, такая практика нелогична, и даже бессмысленна, поскольку так государство теряет свою политическую силу. Однако принято считать, что центральные правительства действуют крайне целесообразно и передача квот суверенитета важна для обеспечения все той же политической стабильности государства, а также для поддержания «статуса-кво» (лат. *status quo* – «положение, в котором...») политических элит и улучшения взаимодействия с другими государствами.

Центральное правительство также имеет право распределять квоты суверенитета между дипломатами и дипломатическими институтами с тем, чтобы облегчить их международную, политическую и административную деятельность. Подобное «разделение труда» происходит через письма о назначении, официальные уведомления, декларации и введение в должность. Эти события напрямую или косвенно выставляют на международное обозрение официальные функции, правомочия, полномочия, цели и обязанности тех граждан, которые представляют государство на международной арене. Однако, «разделение труда» также выстраивает иерархию институтов в зависимости от того, кому достается больше квот суверенитета. Например, министр иностранных дел Франции имеет больший опыт представительства, чем первый секретарь, поскольку обладает большими квотами суверенитета, в том числе приобретенными от других мировых дипломатических служб. Если вышеупомянутый министр решит отправиться

---

¹⁰ В классической теории дипломатические стратегии подразделяются на тактики, а тактики – на методы. В таком случае наиболее наглядными тактиками в дипломатии являются: посредничество, согласование, арбитраж и президентское посредничество или посредничество главы государства. Методы, в свою очередь, различаются по скорости и интенсивности их применения.

в командировку в другую страну, иностранные дипломатические службы продемонстрируют большее внимание¹¹ к нему, нежели к сопровождающим его сотрудникам дипломатического корпуса. И хотя может показаться, что особое обращение может быть связано с более высокой позицией министра в иерархии института, в действительности же, этот принцип в международной среде не действует.

За пределами государства национальные публичные институты не обладают никакой политической значимостью. Даже министр иностранных дел, будучи главой МИДа, выезжая в другую страну с особой миссией, не пользуется там особыми привилегиями. Принимающая сторона постарается, в первую очередь, узнать, кто обладает наибольшими квотами суверенитета, чтобы определить степень «дипломатического представительства».

К примеру, в 2011 году консул Израиля в Панаме Эдна Ливне, будучи обвиненной в коррупции, была собственными же подчиненными выдворена из посольства. Несмотря на это, правительство Панамы признавало назначение Ливне до тех пор, пока правительство Израиля официально не отстранило ее от должности. В данном случае, правительство Панамы отдало приоритет принципу «дипломатического представительства», а не «принципу института» политической системы Израиля, который не имел никакой политической силы на территории панамского государства. Похожий случай произошел в Ливии в марте 2014 года. На этот раз из-за восстания генерала-отступника Халифы Хафтара обострился внутренний конфликт. В связи с этим у правительства США появилась острая необходимость «постепенно» сместить дипломатический отдел своего посольства в Триполи. Так, США распустили свое посольство и консульство, что обеспечило прямой доступ ополченцев к старейшим дипломатическим апартаментам. Пример с Ливией наглядно показывает, что центральное правительство может поделиться или «потребовать обратно» квоты суверенитета в зависимости от различных причин.¹²

Принцип «дипломатической гарантии»¹³ отражает добровольное стремление государства к компромиссу, желание исполнить все договоренности с иностранными государствами и международными деятелями. Данный принцип является обязующим. Действия, которые так или иначе ему угрожают, считаются противоречащими принципам дипломатии, поскольку пренебрежение ими влечет за собой санкции политического или военного характера в отношении государства, не выполнившего свои обязательства и разорвавшего «джентльменское соглашение». По мнению Матиаса Хартвига,¹⁴ слова которого цитирует Оскар Андрес Пасо Пинедо,¹⁵ данный принцип является настолько существенным, что приобрел действие в международном сотрудничестве и в системе Международного публичного права. Страны дают официаль-

---

¹¹ Или субординацию.

¹² Посольства и консульства приобретают квоты суверенитета от государства. В отличие от дипломатов, эти организации получают изрядное количество квот суверенитета таким образом, что другие государства легко могут узнать, кто пользуется особой неприкосновенностью в соответствии со статьей 21 Венской конвенции о дипломатических сношениях и Венской конвенции о консульских сношениях.

¹³ Важно отметить, что в испанском языке понятие «дипломатическая гарантия» никак не связано с понятием «дипломатическое обязательство» (*англ. Diplomatic Assurances*). «Дипломатическое обязательство» скорее относится к правам и обязанностям беженцев, эмигрантов и депортированных. Если последние стали объектами гонения, пыток, либо подозреваются в совершении преступления, то об этом они должны сообщить государству или наднациональным организациям. Тем не менее, данный принцип не является обязательным для исполнения, гласным, публичным или значимым. В английском же языке оба понятия применяются стихийно для описания различных ситуаций. См. YOUNG-GWAN, Lee. 2012. South Korean Economic Miracle and Its Reflections in Los Angeles Times and New York Times, 1975–1979. (24–01–2015). <http://ccsenet.org/journal/index.php/ass/article/viewFile/17608/11791> См. COMISIÓN DE DERECHO HUMANOS DE LA ONU. 2005. Reporte E/CN.4/2006/6. December, 16. Parágrafo 31.

¹⁴ HARTWIG, Matthias. 2004. The German Federal Constitutional Court and the Extradition of Alleged Terrorists to the United States. German Law Journal. Vol. 5. No. 3. США. С. 192.

¹⁵ PAZO PINEDA, Oscar Andrés. 2012. Garantías diplomáticas y Constitución: El derecho fundamental a la vida en los procesos de extradición. (15–01–2015). <http://www.ius360.com/publico/constitucional/garantias-diplomaticas-y-constitucion-el-derecho-fundamental-a-la-vida-en-los-procesos-de-extradicion/>

ные гарантии¹⁶ другим государствам и участникам международного процесса, их требующим.¹⁷ Таким образом, государства перестраховываются. В особенности, дипломаты, которым приходится дважды подумать, «чего говорить не следует», чтобы не подвергнуть риску участие государства в возможных проектах и не подвергнуть опасности репутацию правительства.

Установление соглашений говорит о подлинном интересе сторон выполнить обещанное. Убедившись в «надежности» дела, государства готовы к взаимодействию, при этом они уверены, что каждая из сторон выполнит «данное слово». Безусловно, если одно из государств заподозрит, что его партнер не способен выполнить условия соглашения, оно воздержится от сотрудничества и попытается найти партнера в лице другого государства, способного продемонстрировать большую стабильность во внешней политике. В конце концов, может ли идти речь о международных отношениях и внешнеполитическом взаимодействии, если обе стороны прекрасно понимают, что ни одна из них не сможет исполнить свои обязательства?

Таким образом, в международном сообществе можно с легкостью определить способность того или иного государства исполнять международные договоренности. Выстраивается своего рода иерархия государств, предоставляющих высокую или низкую «дипломатическую гарантию», также существует своего рода «рынок дипломатических гарантий», где каждое государство открыто заявляет о своей коммерческой привлекательности для инвесторов. Например, в марте 2015 года «репутация» Швеции серьезно пострадала в результате отмены соглашения с Саудовской Аравией по вопросам военной обороны. До этого события страны Евразии, Америки и Ближнего Востока были намерены вести торговлю военным снаряжением со Швецией. Однако после произошедшего, страны решили *заморозить* переговоры, поскольку Швеция продемонстрировала, что за нее «поручиться нельзя».¹⁸ И хотя Швеция прекрасно осознавала, что такое одностороннее решение приведет к экономическим последствиям, она предпочла продемонстрировать свою независимость и разорвать отношения с Саудовской Аравией.

Соглашение между государствами существенно отличается от договора между двумя транснациональными компаниями. И хотя в обоих случаях невыполнение одной из сторон установленных соглашений может привести к разбирательствам в международном суде, суверенное государство имеет полное право расторгнуть (в том числе и без предупреждения) договор с другим государством, не опасаясь санкций со стороны международного суда и международного сообщества. Очевидно, что подобное действие может спровоцировать международный конфликт, однако, с юридической точки зрения, государство независимо и вольно по собственному желанию заключать и расторгать соглашения. Согласно Международному публичному праву, государство *«не должно»* нарушать установленные соглашения во избежание санкций. Тем не менее, как показывает практика, оно *«может»*. И это понимают другие государства, которые проводят огромное количество времени, оценивая качество и надежность «дипломатических гарантий» своего партнера, пытаясь, таким образом, предугадать все возможные риски потенциального сотрудничества.

Присутствие в дипломатических стратегиях таких аспектов, как *«квоты суверенитета»* и *«дипломатическая гарантия»*, определяет степень *«дипломатического представительства»* деятельности дипломатов. Однако, «разделение труда» все же не гарантирует успеха предприятия. Центральные правительства строятся на политических элитах, которые могут ошибочно трактовать политические сценарии и неверно использовать принципы представитель-

---

¹⁶ В целом, «дипломатическая гарантия» делится на два типа. С одной стороны, гарантия на выполнение установленных обязательств, которую предоставляет государство. С другой – «залог», который государство оставляет на случай невыполнения договоренностей.

¹⁷ PAZO PINEDA: 2012. *Op. Cit.*

¹⁸ Швеция приняла данное решение в качестве репрессивной меры в отношении правительства Саудовской Аравии, предположительно совершившего преступление против прав человека.

ства. Необходимо помнить, что политические элиты преследуют собственные интересы, и их намерения могут зависеть от различных факторов, в том числе от давления со стороны малых политических групп (местных и национальных), научных сообществ, общественного мнения, национальных и международных компаний и корпораций, церкви, неправительственных организаций (НПО), зарубежных политических элит и наднациональных организаций. Национальные политические элиты не обязаны в надлежащей форме осуществлять «*дипломатическое представительство*». К примеру, они могут предоставить одни и те же привилегии дипломатам и другим служащим или публичным институтам, а также простым гражданам, гражданским организациям, политическим партиям и организациям в несоответствующих пропорциях. В таких условиях искажается смысл самого феномена «дипломатия».

Раз «*дипломатическое представительство*» распределяется непропорционально, происходит смена политических ценностей в дипломатической среде и в концепции «руководитель – подчиненный», в особенности, в институте дипломатии. А это изменение разрушает концепцию самой «дипломатии» в рамках «Политической социологии международных отношений», где категория «дипломатии» осуществляется лишь в том случае, если будет выполнен ряд условий.

В «Политической социологии международных отношений» дипломатия строится на дипломатических стратегиях и существует, когда национальные политические элиты, контролирующее центральное правительство, через дипломатическое представительство и дипломатические институты информируют центральное правительство другой страны об интересах своей внешней политики. Все это должно происходить по обоюдному согласию,¹⁹ посредством переговоров,²⁰ мирно,²¹ профессионально²² и информативно,²³ через официальные (законные) средства связи,²⁴ которые отличаются особыми методами²⁵ и строго регламентированы,²⁶ с целью не допустить возникновения вооруженных конфликтов; и способствовать сближению государств.²⁷

В данной схеме дипломатия становится результатом, следствием, но не причиной. Таким образом, частичное или полное отсутствие какого-либо из условий уничтожает основную идею и создает новую концепцию, отличную от дипломатии. Здесь проявляется существенное отличие от остальных научных отраслей, которые пытаются определить дипломатию как «науку»²⁸ или «стечение обстоятельств».²⁹ Иными словами, «Политическая социология меж-

¹⁹ MARTENS, Charles de. 1886. La Guía Diplomática.

²⁰ SATOW, Ernest. 1947. A Guide to Diplomatic Practice. University of Toronto. Toronto, Canada.

²¹ BERRIDGE, Geoffrey. 2002. Diplomacy: Theory and Practice. Palgrave. UK.

²² COHEN, Raymond. 1999. Reflections on the new global diplomacy: Statecraft 2500 BC to 2000 AD. In: MELISSEN, Jan. Innovation in diplomatic practice. Macmillan. Basingstoke. США. С. 1–18.

²³ U. S. DEPARTMENT OF STATE (USD). 1987. Dictionary of International Relations Terms. США. С. 85.

²⁴ ROSECRANCE, Richard. 1974. Diplomacia. Enciclopedia Internacional de Ciencias Sociales. Editorial Aguilar. Vol. 3. Spain. С. 24.

²⁵ CANTILO, José María. 1993. La profesionalidad del diplomático. GEL. Argentina.

²⁶ CAHIER, Phillippe. 1965. Derecho diplomático contemporáneo. Spain.

²⁷ DER DERIAN, James. 1987. On diplomacy: a genealogy of western estrangement. Universidad de Oxford. Editorial Blackwell. США. См. CONSTANTINOU, Costa. 1996. On way to Diplomacy. University of Minnesota Press. США. С. 110.

²⁸ Термин «Дипломатия» имеет различные коннотации. Важно отличать понятие «**Дипломатология**» (англ. Diplomatology), возможно, взявшее начало в трудах румынского философа Богдана Петричейку Хашдеу (1838–1907) и используемое для обозначения научных исследований в области дипломатии и внешней политики. Таким образом, корректнее говорить о науке «Дипломатологии», чем о науке «Дипломатии». Несмотря на это, данный термин используется для описания научной деятельности и систематизации античных дипломатических свитков. См. MERCA, Oana. 2013. Începuturile publicistic hasdeene. In: Revista Nouă. Año 10. No. 3. 76. Apare la Câmpina, România. Romania. С. 25. См. GUERRA, A. R., 2003. Os diplomas privados em Portugal dos séculos IX a XII-Gestos e atitudes de rotina dos seus autores materiais. Centro de História da Universidade de Lisboa. Lisboa, Portugal. С. 28. См. EVANGELISTA MARQUES, André. Para um inventário da documentac, diplomática anterior a 1101 conservada em arquivos portugueses. In: ARÍZAGA BOLUMBURU, Beatriz; y otros. Mundos Medievales Espacios, Sociedades y Poder. Editorial de la Universidad de Cantabria. Spain. С. 709.

дународных отношений» рассматривает дипломатию как результат стечения обстоятельств, а не как конкретное социальное явление. Но, чтобы дать верное определение, важно использовать новую терминологию, которая позволяет различать идею «дипломатии» в «Политической социологии международных отношений» и другие концепты, так или иначе с ней связанные. Поэтому далее, рассматривая идею дипломатии в рамках «Политической социологии международных отношений», мы будем обозначать ее термином **«Ультердипломатия»** (англ. *Ulter-Diplomacy*).

Использование такого концептуального подхода позволит более методично проанализировать понимание проблемы. Далее термин «ультердипломатия» мы будем применять как инструмент. Это является вынужденной мерой, применяемой для того, чтобы подчеркнуть связь термина с «Политической социологией международных отношений», но не для отдаления этого понятия от других, связанных с дипломатией концептов.

Истоки понятия «ультердипломатия» ставят его в центр изучения и требуют тщательного подхода и внимания. Таким образом, кажется заманчивой (и даже непреодолимой) идея включить в его окружение традиционные и новейшие дипломатические стратегии, чтобы понять, какие из них лучше сочетаются с их природой, а какие – нет. Иными словами, необходимо понять – какие из дипломатических стратегий лучшим образом дополняют условия «ультердипломатии», а какие – нет. Таким образом, «ультердипломатию» можно использовать для составления схемы, которая позволила бы распознавать дипломатические стратегии, применяемые тем или иным государством. Если расположить данную идею в центре изучения, то можно включить в нее набор дипломатических стратегий, тесно с ней связанных, и, в то же время, сообщающихся с другими, более периферийными дипломатическими стратегиями, не имеющими такой связи с «ультердипломатией». В результате подобной операции среди различных типов дипломатических стратегий можно обнаружить группу стратегий, не соответствующих центру или периферии «ультердипломатии». Данная группа скорее относится к «отрывочной области», или, если угодно, противостоит самой идее «ультердипломатии».

К примеру, в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 года,³⁰ Венской конвенцией о консульских сношениях 1963 года³¹ и Венской конвенцией о праве международных договоров 1969 года,³² двусторонняя дипломатия является «первейшей» стратегией во взаимоотношениях двух стран. Через нее дипломатические службы государств могут напрямую общаться на важные для них темы. Тем не менее, чтобы применить ее правильно, необходимо выполнить ряд формальностей и церемоний, продиктованных «ультердипломатией». В свою очередь **«Публичная дипломатия»** (англ. *Public Diplomacy*) относится к периферии, поэтому, с одной стороны, применяется развитыми дипломатическими службами, а с другой – может оказаться куда разнообразнее и непредсказуемей, чем двусторонняя дипломатия. «Публичная дипломатия» действует не в группе «государство – государство», а вовлекает еще одного участника: «государство – государство – народ». Иные ситуации демонстрируют *«антисистемная дипломатия»*³³, *«препарадипломатия»* и *«протодипломатия»*.³⁴

²⁹ К примеру, стоит вспомнить классическое определение «Дипломатии» Гарольда Николсона. Если тщательно разобраться, то для Николсона «Дипломатия» – вовсе не результат выполнения ряда условий, а как раз наоборот, «Дипломатия» – это «ведение международных отношений посредством переговоров; метод, при помощи которого эти отношения регулируются и ведутся послами и посланниками; работа или искусство дипломата». Это означает, что дипломатия является вполне конкретным «общественным явлением» без привязки к прошлому или будущему. См. NICOLSON, Harold. 1955. *La Diplomacia*. Fondo de Cultura Económica. Mexico. С. 14.

³⁰ Вступила в силу 24 апреля 1964 г.

³¹ Вступила в силу 19 марта 1967 г.

³² Вступила в силу 27 января 1980 г.

³³ См. главу: Антисистемная дипломатия.

³⁴ См. главу: «Препарадипломатия» (англ. *Pre-paradiplomacy*) и «Протодипломатия» (англ. *Protodiplomacy*).

«Антисистемная дипломатия» является нелегальной дипломатической стратегией, которая использует **«структурные дыры»** (*англ.* Structural Holes) институтов в своих интересах, что может произойти в любой социальной структуре,³⁵ и таким образом воздействует на внешнюю политику других государств. В то же время такой подход способствует внутренней разобщенности и раздробленности министерства иностранных дел, его практикующего. Тем временем «предпарадипломатия» и «протодипломатия» заходят еще дальше, дробя власть национальных элит в собственной политической системе и разобщая государство.

Эти три стратегии,³⁶ наряду с другими, представленными в данной книге, составляют часть явления, именуемого **«Институциональные болезни»** (*англ.* Institutional Diseases) в рамках «Институциональной инженерии»,³⁷ а не «Экономики»;³⁸ и, кажется, не находятся в непосредственной близости к «ультердипломатии». Как раз наоборот, они отдалены от центра, поскольку используют отсутствие механизмов контроля, разобщенность внутри министерства иностранных дел и отсутствие посредников, чтобы ускорить потерю национальными политическими элитами контроля над их дипломатическими институтами.

В данном контексте совершенно неуместна параноическая мысль об ультрацентристском характере «ультердипломатии». Однако важно понимать, что она помогает выстроить типологию дипломатических стратегий в рамках научных, академических и дидактических целей. Если воспринимать «ультердипломатию» как инструмент, который можно крепко удерживать в руках, не давая возможности выскользнуть, можно понять, что дипломатические стратегии, располагающиеся в ее центре или периферии, дополняют деятельность министерства иностранных дел, в то время как другие, «неклассифицируемые», стратегии ведут себя похожим образом, но своими действиями могут привести к искажению смысла дипломатического представительства.

Перефразируя Корнелиуса Бхола и Маркуса Корнпробста, данные «неклассифицируемые» стратегии могут относиться к сфере, известной как **«Антидипломатия»** (*англ.* Anti-Diplomacy), поскольку воздействуют на мировую политику. Но, в отличие от традиционной дипломатии, им в значительной степени не хватает некоторой «официальности» или «легитимности»; они не владеют регламентированными методами, не нуждаются в переговорах и воздействуют целенаправленно на внешнюю политику государства. В то же время они препятствуют поддержанию целостности и легитимности института, официальных каналов связи, гра-

---

³⁵ BURT, Ronald. 1992. Structural holes: the social structure of competition. Harvard University Press. С. 57–91.

³⁶ В дидактических целях в данной книге было решено предоставлять оригинальную терминологию, использованную исследователями, обнаружившими или изучавшими различные типы дипломатических и анти-дипломатических стратегий.

³⁷ «Институциональная инженерия» – это область научных знаний, объектом изучения которой является функционирование внутренней структуры публичных, частных и смешанных институтов в процессе принятия и удовлетворения запросов в соответствии с их условиями. Является разделом «политической социологии». См. CALAME, Pierre. 2006. La ingeniería institucional: la concepción y el funcionamiento de las instituciones. Tesis para repensar la gobernanza. (31–07–2015). <http://www.institut-gouvernance.org/es/analyse/fiche-analyse-325.html>

³⁸ Пару веков назад французский философ и социолог Огюст Конт считал, что институт является живым организмом, таким же как человек – с сердцем, руками, мозгом и т. п. Однако со временем столь простая теория устарела во многом благодаря работам Макса Вебера и других, описывавших институт как результат систематического взаимодействия и работы разных его отделов. Иногда Контское видение института используется в институциональной инженерии в дидактических целях. Например, говоря о «Институциональных болезнях» или «Институциональных патологиях» (*англ.* Institutional pathologies), мы подразумеваем, что институты могут иметь «симптомы» или «заболевания», которые их тревожат, как любая болезнь, и даже могут привести к летальному исходу. Эти «болезни» и «патологии» говорят о внутренних сбоях в работе института и нарушении взаимодействия между его составляющими, что может привести к последующему краху, отсутствию результатов или слиянию с другим институтом. В любом случае, институт вымирает. См. FROLOV; Daniil; LAVRENTYEVA, Anna. 2014. Metaphors and Analogies in Institutional Economic Theory. (27–07–2015). http://mpr.ub.uni-muenchen.de/55011/1/MPRA_paper_55011.pdf См. LEVALLOIS, Clement. 2011. Why Were Biological Analogies in Economics “A Bad Thing”? In: PENROSE, Edith. Battles against Social Darwinism and McCarthyism. Science in Context. Vol. 4. С. 465–485. См. PUETTER, Uwe. 2012. The Latest Attempt at Institutional Engineering: The Treaty of Lisbon and Deliberative Intergovernmentalism in EU Foreign and Security Policy Coordination. Department of Public Policy. Central European University. Hungary.

мной публичной администрации и международного сотрудничества.³⁹ Также следует добавить, что их применение оскверняет имя государства и подвергает сомнению его репутацию, не говоря уже о негативном влиянии на его уклад, развитие и внутреннюю целостность политических элит.

Тем не менее, не Бхола и Корнпробст дали это название. В английском языке понятие «антидипломатия» является отнюдь не новым. А вот в испанском языке оно появилось относительно недавно. Как и при дискуссиях касательно антиполитики, в лагере политических наук данная дискуссия была отклонена некоторыми англосаксонскими академическими сообществами «высшей иерархии». Например, в высших научных кругах одно упоминание об «антидипломатии» может спровоцировать «внезапный и бурный» интерес, понять который могут лишь любители постигать то, что «более никому не интересно». В действительности, «антидипломатия» является заманчивой идеей в некоторых кругах академической элиты. Эта идея является непростой, и попытка описать ее, или хотя бы досконально изучить, превращается в настоящий вызов. Именно по этой причине в мире не так много ученых, попытавшихся углубиться на этом уровне и, так или иначе, пролить свет на данную проблему. Именно поэтому крайне важно отметить достижения в этой области.

Для начала следует обратиться к исключительной работе Ное Карнаго под названием «Дипломатия и ее двойник: политические языки антидипломатии».⁴⁰ Необходимо сказать, что упоминаний о таком явлении, как «антидипломатия» не было найдено «в других, более важных источниках об истории дипломатии». Однако, Карнаго удалось обнаружить аналогии этого явления, начиная с конца XVIII века. К этой идее постоянно обращались и обращаются сейчас, но в различных коннотациях и пониманиях, общих и универсальных. К примеру, понятие «антидипломатия» использовали для описания «немирной» тактики установления политических отношений между древними государствами, империями и республиками; типа политического взаимодействия, «достойного порицания» и идущего вразрез с традиционными дипломатическими практиками; эвристического инструмента; «исключительных», «радикальных», «иррациональных», «экзополитических» и «детерриториальных» случаев, связанных с дипломатией и потенциальным искажением дипломатической культуры; и политической позиции, не «оговоренной» заранее политическими элитами двух или более государств, пытающихся установить иного типа дипломатические отношения.⁴¹

Термин «антидипломатия» также стал синонимом множества идей, таких как «латентная международная угроза»; действия империалистов; интервенционизм; «непристойный» и «неуместный» язык; военное принуждение; политическая агрессия; и «добродетель».⁴² Но с начала XX века само явление «антидипломатии» начинает достигать более значимых масштабов, когда на общественное обозрение выходит ряд документов, акцентирующих свое внимание на разломе между «дипломатией» и «антидипломатией».

К примеру, Карнаго ссылаясь на Мартина Вихта, писавшего об «антидипломатии» в 1957 году в своем труде «Международная теория: три традиции» (*англ.* International Theory: The Three Traditions),⁴³ описывая политическую обстановку во время объединения Италии в XIX

---

³⁹ BJOLA, Corneliu; KORNPROBST, Markus. 2013. Understanding International Diplomacy: Theory, Practice and Ethics. Routledge. США. С. 205.

⁴⁰ Работа Карнаго носит полуэнциклопедический характер и отличается излишней информативностью. Тем не менее, нельзя не упомянуть данную работу в контексте нашего исследования. См. CORNAGO, Noe. 2013c. Diplomacy and its double: The political languages of antidiplomacy. ECPR General Conference Bordeaux. Conceptual Change and Conceptual History in International Relations. С. 5.

⁴¹ CORNAGO, Noe. 2013a. Plural Diplomacies. Normative predicaments and functional imperatives. Series Editor Jan Melissen. Martinus Nijhoff Publishers. Netherlands Institute of International Relations 'Clingendael'. Vol. 8. UK. С. 152–189.

⁴² CORNAGO: 2013c. *Op. Cit.* С. 20–32.

⁴³ WIGHT, Martin. 1996. International Theory: The Three Traditions. Leicester University Press for the Royal Institute of International Affairs. UK.

веке. Вихт отметил, что дипломатические маневры Джузеппе Мадзини (вдохновленные идеями макиавеллизма) и Камилло Паоло Филиппо Джулио Бензо, графа ди Кавур (вдохновленные идеями кантианства) совпали с данным временным промежутком в Италии и значительно повлияли на процесс объединения. Благодаря столь простому сравнению стало понятно, что понятие «антидипломатия» является антонимичным теоретически и исторически явлению «дипломатии».

Однако научное сообщество устремилось к термину «антидипломатия» лишь через 30 лет после выхода в свет работы Джеймса Дер Дериана «В дипломатии» (*англ. On Diplomacy*).⁴⁴ Оригинальность данной работы состоит в том, что Дер Дериан обособил концепцию «антидипломатии» и включил ее в один из шести этапов дипломатии, которые, по его мнению, характеризуют периоды становления дипломатии с течением истории.⁴⁵

Дер Дериан установил связь «антидипломатии» с любой деятельностью, ведущей к установлению политических связей с иностранными гражданами через «неофициальные» или неотслеживаемые государством каналы связи.⁴⁶ Годы спустя, Дер Дериан добавил, что современные способы сообщения (Интернет) служат доказательством эволюции «антидипломатии». Тем не менее, трансцендентальный вклад Дер Дериана состоит в том, что зародилась сама идея «антидипломатии» как «противоположности классической дипломатии».⁴⁷

Дер Дериан обнаружил, что сближение государств может быть достигнуто посредством дипломатии или же добровольного общения граждан этих стран. В обоих случаях государства могут мирно взаимодействовать. Результат останется прежним. Но механизм осуществления этого процесса является официальным в одном случае, и неофициальным в другом. Дипломатия использует официальные средства связи, основанные на Международном публичном праве. «Антидипломатия» использует «неофициальные» механизмы, в том числе Интернет. Это, по мнению Карнаго, и отличает дипломатию от ее «двойника».⁴⁸ С этим предположением согласился Костас Константину,⁴⁹ который заключил, что существует некое противопоставление в этих двух формах. Некоторые из его фантастических идей также одобрил Эдмунд Бурке в 1796 году.⁵⁰

Помимо этого, «дипломатия» и «антидипломатия» обладали тремя общими чертами. Во-первых, дипломатическая и антидипломатическая деятельность способствовали укреплению отношений между государствами. Во-вторых, обе напрямую влияли на ведение внешней политики государства. В случае с «антидипломатией», ее методы представляли собой потенциальный риск для государств и могли повлечь за собой «как появление новых механизмов власти, так и опасность»⁵¹ для правительств.⁵² Например, при недостаточном государствен-

⁴⁴ DER DERIAN: 1987. *Op. Cit.*

⁴⁵ «Мифодипломатия» (*англ. Mytho-Diplomacy*), «Протодипломатия» (*англ. Proto-Diplomacy*), «Дипломатия» (*англ. Diplomacy*), «Антидипломатия» (*англ. Anti-Diplomacy*), «Неодипломатия» (*англ. Neo-Diplomacy*) и «Технодипломатия» (*англ. Techno-Diplomacy*).

⁴⁶ *Ibidem.* С. 165–166.

⁴⁷ VARGAS ZURITA, Andrés. 2013. Reinterpretando la Diplomacia de los Pueblos. Departamento de Derecho Internacional Público, Relaciones Internacionales e Historia del Derecho. Universitat Politècnica de València. Universidad del País Vasco. In: *Trabajos y Ensayos*. No. 17. (27–07–2015). <http://www.dipriihd.edu.es/revistadoctorado/n17/Vargas17.pdf>

⁴⁸ CORNAGO: 2013a. *Op. Cit.* С. 191.

⁴⁹ CONSTANTINOU: 1996. *Op. Cit.* С. 83–88.

⁵⁰ CORNAGO: 2013a. *Op. Cit.* С. 191.

⁵¹ DER DERIAN, James. 1992. *Antidiplomacy. Spies, terror, speed and War.* Wiley-Blackwell; 1Ed. США. С. 3.

⁵² Если бы не эта связь с внешней политикой, Дер Дериан, вероятно, не назвал бы данный феномен «антидипломатией». Он бы дал другое название, что-то вроде «отношения между иностранными гражданами», «сближение народов» или «взаимодействие граждан с другими государствами». В любом случае, слово «дипломатия» не звучало бы в названии, что логично, поскольку перечисленные феномены не имеют к дипломатии никакого отношения. Сделав это, он подверг бы себя критике, предполагая, что данные явления имеют некоторую степень «официальности», формальную связь с государством, что не является верным. См.: «Дипломатия «полуторного трека».

ном контроле преступные и террористические группировки могут свободно контактировать с подобными организациями через Интернет. Простые граждане также могут устанавливать межгосударственные соглашения, противоречащие внешнеполитическому курсу государства. Наконец, в-третьих, государство задействует все механизмы «дипломатии» и «антидипломатии» для сближения с другими государствами.⁵³

Данные аргументы позволяют предположить, что «антидипломатия» может оказаться не вполне сформированным инструментом мирного взаимодействия между государствами. Несмотря на это, дискуссии на тему «антидипломатии» могут выйти на новый уровень, если трактовать ее как административно-бюрократический элемент и высказать идею того, что отношения между этими категориями выстраиваются в «парадокс».

Рассмотрим следующий случай. Предположим, дипломат должен подготовить мирный договор для подписания главой своего и иностранного государства. Вероятно, он очень удивится, когда, предоставив образец документа своему начальству, он обнаружит, что в данном документе более нет никакой необходимости, поскольку договор уже заключен. Все дело в том, что другой человек (или группа людей), не имеющий никакого отношения к министерству иностранных дел или иным государственными институтам, ранее предоставил образец документа, который в итоге и был подписан.

С дипломатической точки зрения, очевиден «парадокс», когда человек (или группа людей) присваивает себе чужую работу и таким образом ускоряет достижение желаемого: в данном случае подписание мирного договора, что устраивает всех. В действительности, подобные действия нарушают стабильность рабочего процесса дипломатического корпуса. Если такая практика приобретает популярность среди глав государств, дипломаты могут попросту лишиться работы. Министерства иностранных дел также могут испытывать подобные затруднения. К примеру, МИД может претерпевать «институциональный кризис», если начнут появляться «мирные политические инициативы» со стороны гражданского населения, которые будут влиять на дипломатические отношения лучшим образом, чем их институциональная бюрократия.

Но ситуация может приобрести еще более «парадоксальный» характер, если часть этих «мирных политических инициатив» будет исходить от того же министерства иностранных дел или других политических институтов. Если так, то национальные политические элиты, под чьим контролем находятся институты, должны будут одобрить подобную практику замещения функций министерств иностранных дел для достижения внешнеполитических целей и неестественную смену руководящих и подчиненных в дипломатическом корпусе. Иными словами, политические элиты могут провоцировать появление «парадоксальных дипломатических стратегий», чтобы подстроить свои политические институты под сложные международные стандарты через передачу «дипломатического представительства» другим субинститутам так, чтобы они могли абсолютно легально принимать участие в ведении внешней политики государства. Таким образом, *замещение* полномочий министерств иностранных дел станет широко распространенным явлением.

Несмотря на это, парадоксальные дипломатические стратегии, они же «антидипломатические стратегии», имеют способность пагубно воздействовать на элементы, обуславливающие «ультрадипломатию». Они изменяют правовую структуру дипломатического института,

---

⁵³ На философском уровне всегда существовали два основных вопроса: является ли дипломатия стратегией сама по себе? Или же дипломатия является категорией, объединяющей в себе дипломатические стратегии? Если обратиться к Дер Дерриану, то, по его мнению, «дипломатия» – это мирная стратегия государства, «антидипломатия» имеет ту же функцию, если государство способно каким-либо образом (например, посредством «публичной дипломатии») контролировать взаимоотношения своих граждан с иностранными. Если государство достигнет данной цели, оно приобретет две успешные стратегии для установления отношений с другими государствами, не говоря уже о том, что каждая из них обладает рядом более специфических тактик. Если так, то вполне обоснованно возникает вопрос: как называется изначальная производная «дипломатии» и «антидипломатии»? Может быть, «**Радих дипломатия**»? (исп. *Radix-Diplomacia*).

разрушают и обеззаконивают его, и, в то же время, приводят к «действенным результатам». Так зарождается излишняя двойственность в институтах, причастных к внешней политике, а также «административный и бюрократический парадокс» в основной деятельности дипломатических институтов.

Помимо упомянутых стратегий «антисистемной дипломатии», «предпарадипломатии» и «протодипломатии» существуют также и другие типы: «постдипломатия», «партизанская дипломатия», «дипломатия обмена заложниками», «дипломатия прямого набора», «учредительная дипломатия», «парадипломатия», «дипломатия «полуторного трека», «неконвенциональная дипломатия», «принудительная дипломатия», «мегафонная дипломатия», «дипломатия катастроф», «похоронная дипломатия», «дипломатия одолженного кресла», «дипломатия разумных санкций», «каталитическая дипломатия», «аутсорсинговая дипломатия», «дипломатия «от равного к равному», «религиозная дипломатия» и «контрдипломатия между посольствами». Все эти стратегии применяются дипломатическими службами и дополняют собой старейшие методы, в то же время, они снижают миротворческую «способность института».⁵⁴ Иными словами, все «антидипломатические стратегии» являются действенными, подходящими, доступными, привлекательными и эффективными в достижении многообещающих результатов. Но в сумме они способны разрушить институт министерства иностранных дел. Они недооценивают оперативные возможности дипломатов и провоцируют крах институтов, отвечающих за внешние связи государств, ставят под сомнение контроль над политической системой государства и соглашения, заключенные ранее. Одной из характерных черт данных стратегий является то, что все они берут начало в одном государстве, которое допускает их применение, словно опытным путем доказывая, что они содействуют политическим отношениям с другими государствами и международными органами, не имея никаких побочных действий. Для подтверждения вышеизложенного стоит обратиться к «Политической социологии международных отношений».

В продолжение, следует отметить, что основной задачей данной работы является перечисление различных дипломатических стратегий, которые могут, тем или иным образом, относиться к «антидипломатии». Что касается особых задач, то среди них можно выделить следующие:

1. Предоставить служащим дипломатического корпуса набор современных политических инструментов, характерных для феномена мировой дипломатии, при помощи которых они могут расширить рамки понимания политической и международной среды, в которой они обитают; определить потенциальные очаги конфликтов и предотвратить их возникновение; изучить темы, на ознакомление с которыми в ходе работы могло бы быть потрачено больше сил и времени;

2. Попытаться сгруппировать различные современные стратегии, но не с целью составления словаря или энциклопедии, а для создания параметров соответствия, которые бы помогли различать их в огромной системе;

3. Описать наиболее показательные и общие идеи каждого из явлений, их трактовки и теории, связанные с дипломатическими стратегиями, не углубляясь в специфические аспекты; составить видение дидактического и педагогического характера, которое упростило бы понимание;

---

⁵⁴ В данной работе представлена теория политических систем Дэвида Истона. Эта теория предполагает, что публичные институты имеют специальные структуры, принимающие и отвечающие на заявки и ходатайства граждан. В обоих случаях институты развивают свою способность реагировать и удовлетворять требования граждан, что говорит об их состоятельности или, в противном случае, бессилии. См. EASTON, David. 1965. The political system. Knopf. США.

4. Использовать опыт университетских научных сообществ в сфере международных отношений и внешней политики, а также дипломатических институтов, относящихся к министерству иностранных дел;

5. Инициировать научные дебаты, которые бы позволили оценить реальное существование дополнительных дипломатических стратегий, которые до этого не были признаны;

6. Инициировать научные дебаты, которые позволили бы покончить как можно скорее с международным терминологическим кризисом, где научные отделения, факультеты и институты одной страны не могут согласовать свои взгляды, в том числе на простейшие идеи в сфере международных отношений;

7. Предложить следующий выход из международного терминологического кризиса: использовать математическую терминологию в сфере международных отношений; и

8. Сделать так, чтобы данная информация всегда была под рукой служащего дипломатического корпуса.

Справедливости ради стоит сказать, что информация о стратегиях, приведенная здесь, изначально не предназначалась для широкой аудитории. Поэтому данная работа раскрывает детали, которые могут помочь заполнить пробелы. Она также помогает организовать и систематизировать дипломатические стратегии, что не является новаторством. Данную работу можно считать продолжением общих усилий в изучении дипломатических стратегий в рамках власти, внешней политики;⁵⁵ с точки зрения теории,⁵⁶ культуры⁵⁷ или бюрократии.⁵⁸ Не говоря уже о таких важных трудах, как работы Генри Киссинджера⁵⁹ и Гарольда Николсона,⁶⁰ и многих других, упростивших взгляд на феномены современной дипломатии и раскрывших их новые противоречия. Но, в отличие от этих работ, где главным действующим лицом международных отношений становится государство, в данной работе заявлена идея о том, что внешняя политика и дипломатия – это два принципиально разных понятия, и существует множество типов внешней политики и различных дипломатических стратегий.

В литературе о международных отношениях, в основном, принято говорить о внешней политике, не раскрывая дополнительных характеристик. Более того, оба понятия довольно часто используются в качестве синонимов. Такая путаница создает проблему восприятия внешней политики и дипломатии как независимых явлений. Цель внешней политики состоит в распознавании дипломатических стратегий, которые необходимо применить. Таким образом, внешняя политика скорее относится к политическому реализму или идеализму, в то время как дипломатия отвечает за то, как внешняя политика будет осуществляться. В данном контексте взаимосвязь между типами внешней политики и дипломатическими стратегиями простирается столь широко, что охватить ее практически невозможно. И, чтобы поглубже изучить эту тему, давайте рассмотрим ярчайшие примеры типов «внешней политики».

---

⁵⁵ MORGENTHAU, H. J. 1973. *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. Alfred A. Knopf. США. См. STRANG, Lord. 1962. *The Diplomatic Career*. André Deutsch. UK. См. IKLE, Fred Charles. 1964. *How Nations Negotiate*. Harper and Row. США. См. THOMPSON, Kenneth. 1992. *Traditions and Values in Politics and Diplomacy, Theory and Practice*. Louisiana State University Press. США. См. TIGAU, Camelia. 2009. *Diplomacia en la era digital. La ayuda alimentaria como maniobra Neoliberal*. Centro de Investigaciones sobre América del Norte. Grupo Editorial Cenzontle. Universidad Nacional de México. Mexico. С. 24.

⁵⁶ MERLE: 1991. *Op. Cit.* См. MARSHALL: 1997. *Op. Cit.*

⁵⁷ WENDT, Alexander. 1999. *Social Theory of International Relations*. Cambridge. Cambridge University Press. UK.

⁵⁸ По словам Джорджа Лиска, можно говорить о «Рутинной дипломатии» (*англ.* Routine Diplomacy), которая смягчает и реализовывает международные отношения, установленные между государствами посредством бюрократических действий и незначительных соглашений; а также о «Креативной дипломатии» (*англ.* Creative Diplomacy), которая изменяет атмосферу, устанавливая переговоры и компромиссы. См. LISKA, George. 1975. *Beyond Kissinger: Ways of Conservative Statecraft Studies*. In: *International Affairs*. No. 26, The John Hopkins University Press, Baltimore. США. С. 25.

⁵⁹ KISSINGER, Henry. 1994. *Diplomacy*. Editorial Simon and Schuster. США.

⁶⁰ NICOLSON: 1955. *Op. Cit.*

Разновидности внешней политики

Благодаря развитию методологических основ в области международных отношений, начиная со второй половины XX века по всему миру стали проводиться исследования, главной целью которых стал сравнительный анализ внешней политики различных государств.⁶¹ Данные исследования, в большинстве случаев, проводятся на кафедрах сравнительной внешней политики университетов и основываются на эмпирических методах исследования для выявления отличительных черт, сходств и различий внешней политики различных государств. В связи с этим, исследования по сравнительному изучению внешней политики были сосредоточены на том, чтобы прояснить, какие концептуальные элементы должны быть проанализированы. В качестве примера можно привести работу Рафаэля Веласкес Флореса «Внешняя политика США и Мексики: сравнительная перспектива».⁶² Для сравнения внешней политики двух стран автор использовал предложенный Габриэлем Алмондом⁶³ анализ следующих трех аспектов: 1) историческая справка, включающая в себя исследование внутренних факторов, таких как экономическое, социальное, культурное, политическое и идеологическое развитие страны, а также устойчивые интересы и тенденции внешней политики; 2) характеристика процесса принятия внешнеполитических решений, в том числе правительственных и неправительственных субъектов; и 3) суть внешней политики, включающая интересы, цели и средства ее реализации.

Кроме того, Мауре Ист, Стивен Салмоор и Чарльз Герман⁶⁴ также представили семь теоретических аспектов для сравнения внешней политики: 1) личностные характеристики политических лидеров; 2) структуры и процессы принятия решений; 3) политические особенности режимов; 4) национальные атрибуты общества; 5) свойства международной системы; 6) системы оценки, используемые государством перед принятием решения; 7) изменение обстоятельств, влияющих на внешнюю политику.

Также Кеннет Волтц⁶⁵ предложил три уровня изучения внешней политики: индивидуальный, государственный и международный. По его мнению, процессы, которые делают возможным разработку, создание и реализацию внешней политики, должны пройти ряд бюрократических этапов как внутри, так и вне государства, которые также находятся под влиянием руководства и личности политических лидеров. Точно так же Грэм Аллисон⁶⁶ предложил разрешить «Кубинский ракетный кризис» 1962 года – провести анализ трех моделей принятия внешнеполитических решений: бюрократической, организационной и модели рационального выбора. Под бюрократической моделью подразумевается процесс принятия решений, в котором различные бюрократические агенты представляют свою позицию в отношении какого-либо вопроса или проблемы и, в конце концов, приходят к единому решению. Организационная модель относится к правительствам, которые реализуют свою политику в международной сфере, пользуясь стандартными схемами или же опираясь на ранее созданные производственные процессы. Что касается модели рационального выбора, то, согласно ей, государства устанавливают конкретные цели, затем, изучив различные альтернативы, отдадут предпочтение тому решению, которое несет за собой больше преимуществ и меньше рисков. И, наконец,

---

⁶¹ LARSEN, Henrik. 1997. Foreign Policy and Discourse Analysis. France, Britain and Europe. Routledge. UK.

⁶² VELÁZQUEZ FLORES, Rafael. 2003. Las políticas exteriores de EU y México: una perspectiva comparada. In: Desde el Sur: Visiones de Estados Unidos y Canadá desde América Latina a principios del siglo XXI. Vol. 2. Estados Unidos y América Latina. Universidad Autónoma de México. Mexico. C.84–104.

⁶³ ALMOND, Gabriel. 1958. Introductory: comparative study of foreign policy. In: MACREDIS, Roy C. 1958. Foreign Policy in the world politics. Prentice-Hall. Nueva Jersey, США. С. 1–8.

⁶⁴ EAST, Maure; y otros. 1978. Why nations act: Theoretical perspectives for comparative foreign policy studies. Sage. UK.

⁶⁵ WALTZ, Kenneth. 1959. Man, the state and war. A theoretical analysis. Columbia University Press. США.

⁶⁶ ALLISON, Graham. 1971. Essence of decision: explaining the Cuban missile crisis. Harper Collins. США.

существует гипотеза Джеймса Розенау,⁶⁷ который предположил, что внешняя политика является совпадением трех факторов: численность населения государства (большая или маленькая), экономическая система (развитая или неразвитая) и его политическая система (демократическая или нет, открытая или закрытая). Также он предложил пять переменных для анализа внешней политики: переменная роли, социальная, правительственная, индивидуальная и системная. В своей работе Розенау не стал развивать данную гипотезу, но, тем не менее, предложил пути развития для новых исследований и возможности анализа представленной им модели.

Эти новые исследования характеризовались своей спецификой прежде всего в области сравнительной внешней политики. Например, некоторые из них определяют методы, которые должны быть использованы для получения результатов аналитических процессов, а другие пытаются классифицировать внешнюю политику государств. В последнем случае результаты были достигнуты путем анализа различных переменных, начиная с политических вопросов, возникающих в процессе создания и разработки внешней политики, и заканчивая механизмами ее реализации. Так, после классификации внешней политики государств, с региональной, континентальной и мировой точек зрения, данные исследования были направлены на изучение целей и интересов, касающихся анализа исторических эпох, политического лидерства, альянсов, балансов власти, торговых связей, профессиональной дипломатической службы, международного публичного права и других аспектов. Следовательно, они открыли двери в богатое разнообразие концепций для анализа поведения государств на международной арене. Не говоря уже о том, что эти исследования облегчили выбор внешнеполитического курса для политических лидеров, что позволило сделать очень важный шаг навстречу отказу от традиционного военного подхода на пути к достижению мира. В истории всегда существовало два важных метода урегулирования конфликтов: дипломатия и война. Однако существует больше примеров, когда конфликты были разрешены именно путем применения военной силы. И в этом случае, выбор правильного внешнеполитического курса дает возможность поиска политического решения путем переговоров, принимая во внимание законные интересы всех сторон, что гарантирует стабильность и гармонию в мире. Таким образом, люди, принявшие решение исследовать данный вопрос, не только преследовали цель изучить его с научной точки зрения, но и внести вклад в достижение мира. Сопоставив различные источники информации, можно привести ряд различных подходов к реализации внешней политики.

---

⁶⁷ ROSENAU, James N. 1980. Theories and pre-theories of foreign policy. In: The scientific study of foreign policy. Frances Pinter. UK. С. 95–149.

Типы внешней политики

На протяжении всей истории существовали писатели, предлагавшие различные теоретические и дидактические модели классификации внешней политики по ее формам и типам с целью упрощения понимания ее сущности для политических лидеров. Очень важную работу в данной области проделал Ачарья Чанакья, или Каутилья (*англ.* Acharya Chanakya – Kautilya), министр в королевстве Чандрагупты Маурья (Бихар, Индия) в период 317–293 гг. до н. э. В свое время Чанакья почитался в Южной Азии как человек хитрый и с тонким политическим умом. В своих работах он писал, что существует шесть типов внешней политики:

1. Sandhi (Сандхи), что означает «гостеприимная политика» (мирная). Каутилья писал, что в его время существовала традиция, когда цари приглашали других правителей на свои территории в качестве гостей. Согласно этой стратегии, многие проблемы были урегулированы без необходимости применения жестких мер. На сегодняшний день такая практика называется «официальным визитом» президента или министра. Как и две тысячи лет назад, эти визиты носили краткосрочный характер, хотя в то время очень часто визиты могли быть и долгосрочными.

2. Vighraha (Виграха), что означает «враждебная политика» (подготовка к непредвиденным обстоятельствам). Каутилья твердо верил, что королевства всегда находятся в состоянии войны и стремятся к власти, поэтому и необходимо вести враждебную внешнюю политику на протяжении всего времени. Особенно в отношении королевств, внушающих опасение в силу своей военной мощи.

3. Asana (Асана), что означает «политика безразличия между нейтральными королевствами» (нейтралитет). Каутилья писал, что безразличие между нейтральными королевствами могло существовать. Однако, в настоящее время эта идея устарела. В истории достаточно случаев, демонстрирующих, что равнодушие между нейтральными странами провоцирует только обострение напряженности. Например, период с 1930 по 1939 гг., когда Великобритания не могла соблюдать политику нейтралитета в отношении Германии. Во время Холодной войны США также не могли придерживаться данной политики в отношении СССР.

4. Dvaidhibhava (Дваидхивхаба), что означает «двойная политика» (двойная беседа). Каутилья полагал, что было полезным предупреждать политические события. Он пришел к выводу, что необходимо поддерживать четкую и индивидуальную политику в отношении различных государств, схожих или превосходящих их по военной мощи. Например, в 1971 и 1972 гг. советник по национальной безопасности США Генри Киссинджер использовал эту стратегию и тем самым добился заключения союза между США и Китаем во времена Холодной войны. Он придерживался внешней политики, отличающейся от политики, проводимой США в отношении СССР.

5. Samsara (Самсара), что означает «политика защиты более слабых царств» (альянс). Каутилья считал, что более сильные царства должны защищать более слабые, которые, в свою очередь, могли бы стать щитом для защиты от возможной атаки другого сильного царства. Эта система была очень распространена в период колонизации Европой Африки и Азии. В это время европейские страны начали контролировать слаборазвитые страны, находившиеся на колонизированных континентах, и тем самым укрепляли свои позиции в отношении друг друга.

6. Yana (Яна), что означает «политика атаки» (война). Каутилья думал, что мир и стабильность являлись залогом сильного государства. Вместе с тем, он был уверен, что необходимо нападать на королевства, чьи правители были несправедливыми и угнетали свой народ. Для Каутильи захват таких королевств не требовал больших военных затрат в отличие от соци-

альных волнений, которые ослабляли руководство короля и, впоследствии, его политическую власть. Каутилья советовал нападать на эти королевства и завоевывать их, что позволило бы получить легкий доступ к их ресурсам. Можно подумать, что Джордж Буш прочел работы Каутильи перед нападением на Ирак в 1990 году (во время войны в Персидском заливе⁶⁸).

В 1972 году Чарльз Ф. Герман⁶⁹ опубликовал уникальный документ под названием «Классификация политик: ключ к сравнительному изучению иностранной политики» (*англ.* Policy Classification: a key to the comparative study of foreign policy), где он дал краткий обзор аспектам, используемым для нахождения соответствия между внешней политикой разных стран. С их помощью он смог раскрыть классификацию изучаемого им предмета. Однако, судя по результатам, данная статья осталась незамеченной английскими и испаноговорящими специалистами. Причиной этому послужила заинтересованность мировых университетов в анализе более конкретных характеристик внешней политики государств, чем в установлении сходств и различий. Но, тем не менее, данная работа знаменует собой поворотный момент для сравнительной внешней политики. Чарльз Ф. Герман выделил четырнадцать аспектов для анализа, которые на тот момент, с его точки зрения, послужили одной из наиболее важных основ классификации внешней политики государств:

1. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государств при использовании «геополитики» в качестве инструмента анализа.

Проводя исследования в целях классификации внешней политики государств Чарльз Герман провел сравнительный анализ проводимой государством политики и географического расположения. Благодаря подобному анализу стало возможным с относительной легкостью выявить сходства и различия внешней политики государств, расположенных в одном и том же регионе в различные исторические периоды. Наиболее привлекательным в данной методике является то, что она позволяет, например, выявить авторитарную или неавторитарную внешнюю политику. То же касается и региональной внешней политики. Сторонником этой точки зрения является и Брайан Уайт.⁷⁰ Он считает, что в настоящее время внешняя политика Европейского Союза делится на три типа: 1) внешняя политика союза, т. е. внешняя политика, которой придерживаются все государства-члены в отношении мира; 2) внешняя политика сообщества, являющаяся внешней политикой, направленной на взаимное уважение государств-членов ЕС; 3) внешняя политика как часть национальной политики, другими словами, это политика, обязывающая государств-членов Европейского Союза с уважением относиться к другим странам, соблюдая принцип независимости и суверенитета.

2. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государств при использовании «основных целей и задач» в качестве инструмента анализа.

В этой области Чарльз Герман полагает, что большая часть исследований, проведенных при классификации внешней политики государств, исходили из анализа целей и намерений, преследуемых государствами на международной арене. С этой точки зрения стало возможным определять внешнюю политику сдерживания и агрессивную внешнюю политику;⁷¹ а также

---

⁶⁸ SHABBIR, Shahab. 2002. Kautilya On Leadership: Lessons from Arthashastra. Aligarh Muslim University. Faculty of Law. Aligarh, India. MCKENZIE BROWN, Donald. 1953. Indian political thought: from Manu to Gandhi. The White Umbrella. University of California. США. CHANDRASEKARAN, Pravin. 2006. Kautilya: politics, ethics and statecraft. Harvard University/Harvard Kennedy School. May. (30–09–2014). <http://mpr.ub.uni-muenchen.de/9962/1/>

⁶⁹ HERMANN, Charles F. 1972. Policy Classification: a key to the comparative study of foreign policy. In: The Analysis of International Politics: Essays in Honor of Harold and Margaret Sprout. Free Press. США.

⁷⁰ WHITE, Brian. 1999. The European Challenge to Foreign Policy Analysis. European Journal of International Relations. Italy. С. 37–66.

⁷¹ VARGAS GARCÍA, Daniel. 2013. Análisis de la Política Exterior de Defensa y Seguridad de los Estados Unidos de América a partir del Realismo Hegemónico, durante el Segundo Gobierno (2005–2009) de George W. Bush, en el Plan Colombia. Universidad

политику, которую Кельвин Аллен⁷² идентифицировал как риторическую внешнюю политику (вводящую благородные цели) и реальную внешнюю политику (принятую по инициативе руководителей).

3. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государств при использовании «находчивости правительств» в качестве инструмента анализа. В данной области Чарльз Герман полагает, что большая часть исследований, проведенных при классификации внешней политики государств, исходила из анализа способностей государств осуществлять и распространять свою внешнюю политику. Сюда входят: профессионализм дипломатической и военной службы, а также, организация министерств иностранных дел (посольств и консульств), которые сыграли решающую роль в установлении сходств и различий внешней политики государств. Интересы, представляющие внешнюю политику государств, исходят из уровня развития культуры, экономики, политики, образования, технологии, рынка, финансов, пропаганды внутри государства и т. д. Однако не все государства обладают человеческими и образовательными ресурсами для эффективного управления внешней политикой. Поэтому можно сделать вывод о том, что некоторые государства имеют больше опыта в ведении внешней политики и, следовательно, имеют больше опыта в решении проблем. Например, Оле Рудольф Холсти⁷³ отмечает, что государства могут придерживаться двух типов ведения внешней политики на международной арене. С одной стороны, это боевое, активное и независимое поведение (АМ); а с другой – дружелюбное (АС). В связи с этим он уверен, что существует четыре вида внешней политики: 1) жесткая внешняя политика, которой необходимо поведение АМ, выступающая против применения поведения АС, т. к. преследуемая цель является ключевой проблемой государства; 2) межнациональная внешняя политика, при которой необходимы как поведение АМ, так и АС, и которая преследует политические цели, связанные с региональным благополучием; 3) «приспособительная» внешняя политика, при которой необходимо применение политики АМ, но она может быть заменена политикой АС, если оно получит поддержку других государств, основанную на их собственной выгоде; и 4) изоляционная внешняя политика, при которой не подходит ни поведение АМ, ни АС, т. к. государство преследует цель абстрагироваться от мирового сообщества и не иметь с ним политических контактов.

4. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государств при использовании «определенных действий» в качестве инструмента анализа. Здесь Чарльз Герман полагает, что большая часть исследований относится к действиям, предпринятым государствами для реализации своей внешней политики. Так можно выделить враждебную или не враждебную внешнюю политику. Согласно исследованиям Чарльза МакКлелланда,⁷⁴ государства могут предпринимать до 63 различных типов действий (действие отрицания, требования, распространения и др.), что предполагает возможность классификации 63 различных типов внешней политики. Кроме того, можно говорить о внешней политике вмешательства или невмешательства во внутренние дела других государств; о колониальной или неколониальной внешней политике; протекционистской или не протекционистской по отношению к рынку; империалистической или неимпериалистической; а также о политике, делающей акцент на различные факторы: культурный, торгово-экономический, финансовый, пространственный, территориальный, фактор границ и многие другие. Исходя из этого, в научной практике России

Colegio Mayor de Nuestra Señora del Rosario. Colombia. С. 13.

⁷² CALVIN, Allen; and W. Lynn Rigsbee. 2000. Oman Under Qaboos: From Coup to Constitution, 1970–1996. Frank Cass Publisher. UK.

⁷³ HOLSTI, Ole Rudolf. 2004. Public Opinion and American Foreign Policy, Revised Edition. Universidad de Michigan, США. С. 52.

⁷⁴ MCCLELLAND, Charles. 1968. The quantity and Variety of Events: 1948–1963. In: SINGER, David. 1968. Quantitative International Politics. США.

и Белоруссии большей популярностью пользуется классификация внешней политики по четырем типам: пассивная внешняя политика (адаптированная к международной ситуации); агрессивная внешняя политика (желание государства повлиять на внутреннюю и внешнюю политику других государств); активная внешняя политика (государства выступают за баланс между внутренней и внешней политикой); и консервативная внешняя политика (государства стремятся сохранить свои позиции между политикой внутренней и внешней).⁷⁵

5. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государств при использовании «связанных между собой атрибутов» в качестве инструмента анализа. В данном случае Чарльз Герман отмечает, что большая часть исследований, проведенных в целях классификации внешней политики государств, исходит из анализа связи между переменными времени, действий и некоторых других аспектов, зависящих от контекста. К примеру, Кеннет Нил Уолтц⁷⁶ говорил о продолжительной внешней политике и инновациях. Карл Дойч⁷⁷ и Дин Пруит⁷⁸ говорили об ответственной внешней политике; а Герберт Спиро⁷⁹ рассказывал о процессуальной и субстантивной внешней политике, равно как и о фундаментальной и обстоятельной. Чарльз Герман настаивает на возобновлении обсуждения данной темы, поскольку, по его мнению, необходимо уметь отличать следующие типы внешней политики: продолжительную, затратную и регулярную.

6. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государств при использовании «основных ценностей» в качестве инструмента анализа.

Тут Чарльз Герман уверен, что большая часть исследований, проведенных в целях классификации внешней политики государств, основывается на анализе человеческих ценностей, которые влияют на внешнюю политику. В связи с этим, исследования были сосредоточены на оценке наличия идеалистических и рациональных ценностей в процессе разработки и реализации внешней политики. Например, Гарольд Лассуэл⁸⁰ выявил восемь типов внешней политики: внешняя политика власти, уважения, честности, преданности, хорошего поведения, богатства, ловкости и просвещения.

7. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государств при использовании «национальных целей» в качестве инструмента анализа.

В этой области Чарльз Герман полагает, что большая часть исследований, проведенных в целях классификации внешней политики государств, основывается на анализе целей, преследуемых внешней политикой. Национальные цели и пути их достижения определяют внешнюю политику государства, а исходя из этой характеристики, уже можно выделить группу государств со схожей внешней политикой. Например, Арнольд Уолферс,⁸¹ исходя из этой теории, определил три типа внешней политики: внешняя политика, чьей целью является расширение; внешняя политика, чьей целью является сохранность; и внешняя политика, чьей целью является альтруизм.

8. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государств при использовании «характеристики путей сообщения» в качестве инструмента анализа. Чарльз Герман считает, что большая часть исследований, проведенных для классификации внешней

---

⁷⁵ КРУГЛОВА Г. А. 2007. Политология: Учеб. пособие. – Мн.: ЗАО “Веды”. Belarus. МЕЛЬНИК В. А. 2006. Политология: Учебник. Belarus.

⁷⁶ WALTZ, Kenneth. 1967. Foreign Policy and Democratic Politics. Little Brown. Boston, США.

⁷⁷ DEUTSCH, Karl. 1957. Political Community and the North Atlantic Area. Princeton University. США.

⁷⁸ PRUITT, Dean. 1962. An analysis of responsiveness between nations. In: Journal of conflict resolution. VI. March. С. 5–18. США.

⁷⁹ SPIRO, Herbert. 1966. Foreign Policy and Political Style. In: The Annals of the American Academy of Political and Social Science. July. С. 139–148. США.

⁸⁰ LASSWELL, Harold; Kaplan, Abraham. 1950. Power and Society. Yale University Press. США.

⁸¹ WOLFERS, Arnold. 1951. The pole of power and the pole of indifference. In: World Politics. IV. С. 39–63. США.

политики государств, происходит из анализа коммуникативных процессов, через которые проходит внешняя политика, начиная с момента ее зарождения и до момента, когда цели, поставленные перед внешней политикой, не будут достигнуты. Чарльз Герман утверждает, что при необходимости донести сообщение внешняя политика может делиться на два типа: вербальную и невербальную. Томас Шеллинг⁸² называл это скрытой и открытой внешней политикой. В этом контексте каналы, используемые для передачи сообщений во внешней политике, составляют базу для ее классификации согласно основным характеристикам путей сообщения. Но это не обязательно означает, что внешняя политика какой-либо страны должна быть классифицирована по количеству передаваемых данных, а наоборот, как утверждал Чарльз Осгуд,⁸³ существует ряд потенциальных элементов категорий путей сообщения. Например, благодаря определенному коммуникативному поведению, присутствующему в процессе передачи сообщений во внешней политике, Осгуд предложил разделить последнюю на три типа: внешняя политика с хорошим или плохим способом передачи информации; внешняя политика с большой или нестандартной системой передачи информации; и внешняя политика с активным и пассивным способом передачи информации. Для Чарльза Германа эта классификация способна работать на практике только если речь идет о «сдержанных» моделях поведения, которыми пользуются государства для коммуникации во внешней политике.

9. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государства при использовании «переменных образцов» в качестве инструмента анализа. Чарльз Герман полагает, что большая часть исследований, проведенных в целях классификации внешней политики государства, обращается к анализу «образцов» внешней политики. По мнению Толкотта Парсонса и Эдварда Шилза,⁸⁴ «образец» – это переменная, предполагающая противоречие между политическим значением, с которым и была создана внешняя политика государства и формой, в которой эта внешняя политика была понята другими государствами. Основываясь на этом, Парсонс и Шилз предлагают пять основных образцов классификации внешней политики: универсальная и не универсальная; четкая и рассеянная; внешняя политика, направленная на достижение какого-либо результата с помощью сил своей страны и при поддержке других государств; эмоциональная и нейтральная; а также внешняя политика, направленная на получение выгоды для своей собственной страны и интеграцию, а также сотрудничество с другими странами. С точки зрения Чарльза Германа, такие авторы, как Эдвард Морс⁸⁵ и Сэмюэль Бир⁸⁶ (1962 год) использовали эту систему образцов для классификации внешней политики, хотя и без особой надобности обращаясь к предложению Парсонса. Использование данных образцов является интересным методологическим инструментом для обнаружения особых признаков, присущих внешней политике различных государств. Данная область представляет собой поток бесконечных возможностей для взаимодействия образцов с различных точек зрения.

10. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государств при использовании «зон политического интереса» в качестве инструмента анализа. В данной области Чарльз Герман полагает, что большая часть исследований, проведенных в целях классификации внешней политики государств, произошла из анализа процессов, использованных для создания внешней политики и идентификации социальных групп, представленных в этих процессах. В этом значении Роберт Даль⁸⁷ отметил, что элиты играют ключевую роль в руководстве политикой государства, особенно внешней. Также Джеймс Розенау⁸⁸ разработал теорию,

⁸² SHELLING, Thomas. 1960. *The Strategy of conflict*. Harvard University Press. США.

⁸³ OSGOOD, Charles; Suci, George; Tannenbaum, Percy. 1957. *The Measurement of meaning*. University of Illinois press. США.

⁸⁴ PARSONS, Talcott; SHILS, Edward. 1962. *A general theory of action*. Harper and Row. США.

⁸⁵ MORSE, Edward. 1968. *A comparative Approach to the study of foreign policy*. Princeton University. США.

⁸⁶ BEER, Samuel. 1962. *Patterns of Government*. Random House. 2 Ed. США.

⁸⁷ DAHL, Robert. 1961. *Who Governs*. Yale University press. США.

⁸⁸ ROSENAU, James N. 1966. *Pre-theories and theories of foreign policy*. In: Barry Farrell (Ed.). *Approaches to comparative*

согласно которой цели и интересы внешней политики напрямую связаны с целями элит и политических групп, которые принимали участие в процессе разработки и реализации данной политики. К примеру, интересы внешней политики относительно территориальных вопросов напрямую связаны с интересом экономических элит, стремящихся расширить свой бизнес. Сэмюэль Хантингтон⁸⁹ полагал, что на процесс разработки внешнеполитической стратегии могут влиять различные социальные группы, как например, если речь идет о внешней политике, связанной с военными вопросами, то наверняка на нее оказывают влияние военные группы.

11. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государства при использовании «номинальных категорий» в качестве инструмента анализа.

Чарльз Герман полагает, что большая часть исследований, проведенных в целях классификации внешней политики государства, произошла из анализа специфических теоретических тем. Он считает возможной классифицировать внешнюю политику, взяв за основу ее определенные характеристики и атрибуты. Данная классификация является результатом исследования с использованием других наук, таких как математика. К примеру, если говорить об этой области внешней политики, она разделяется на два вида: с нулевой суммой и с ненулевой суммой. И относится она к «теории игр» и избирательным процессам,⁹⁰ которые проходят в рамках многосторонних организаций, таких как Организация Объединенных Наций (ООН).

12. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государств при использовании «единого аспекта» в качестве инструмента анализа. В данном случае, Чарльз Герман полагает, что большая часть исследований, проведенных в целях классификации внешней политики государств, исходит из количественного анализа переменной (непрерывной или периодической), чтобы определить наиболее и наименее явные характеристики внешней политики. В перспективе внешнюю политику, ориентированную на мир или войну, можно оценить по определенной шкале. Это делает возможным обобщение внешней политики, применяя шкалу каждый раз, когда используется одна и та же переменная, а также смежная логическая классификация. По этой причине можно сказать, что «в теории» внешняя политика может быть сгруппирована в соответствии с количеством спровоцированных конфликтов и насилия.

13. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государств при использовании «различных аспектов» в качестве инструмента анализа.

Чарльз Герман полагает, что большая часть исследований, проведенных в целях классификации внешней политики государств, исходит из количественного анализа нескольких переменных для определения наиболее и наименее явных характеристик внешней политики. Данный тип классификации является оценкой совокупности внешней политики различных стран при помощи использования одних и тех же переменных. Внешняя политика может быть оценена, например, с военной, дипломатической, территориальной и экономической точки зрения. И, если сравнивать внешнюю политику, используя данные аспекты, в особенности пользуясь количественным методом, подразумевающим систему балльной классификации, то можно выявить комплексную и некомплексную внешнюю политику;⁹¹ а также диагональную (трансверсаль – *política transversal*) и недиагональную⁹² политику. Например, Куинси Райт⁹³ предло-

---

and international politics. Evanston. Northwestern University press. США. С. 27–92.

⁸⁹ HUNTINGTON, Samuel. 1961. The common defense. Columbia University. США.

⁹⁰ DOUGHERTY, James; Pfaltzgraff, Robert. 1993. Teorías en pugna en las relaciones internacionales. Grupo Editor Latinoamericano. Colecciones estudios internacionales. Argentina. С. 521–549.

⁹¹ Комплексной политикой является политика, направленная на привлечение большинства социальных и междисциплинарных сфер в процессе проектирования, разработки и осуществления своих целей.

⁹² Диагональной политикой является политика, которая из-за своей важности перекрывает другие виды политики. Например, толчком идей социализма XXI века в 2006 году в Венесуэле стала диагональная политика Уго Чавеса. Применение других видов политики, таких как социальная, экономическая, культурная, образовательная, военная и др. не могли остановить развитие социализма XXI века. В этом смысле все другие виды политики были подчинены социалистическим идеям и стали основой национального международного правопорядка.

жил динамичную и качественную модель для данного типа подхода, но с небольшими поправками, которые оценивали развитие внешней политики с течением времени.

14. Исследования, направленные на систематизацию внешней политики государств при использовании «прогрессивной дифференциации» в качестве инструмента анализа. В данном случае Чарльз Герман полагает, что большая часть исследований, проведенных в целях классификации внешней политики государств, исходит из создания номинальной (или не номинальной) шкалы для оценки состава внешней политики. Этот способ распространен в основном в биологии и зоологии. Смысл состоит в том, что внешняя политика может быть нейтральной к действиям государств на международной политической арене, может одобрять или быть против них. Тем не менее, в данном подходе недостаточно просто утверждать об определенной позиции. К примеру, прежде чем заявлять, что внешняя политика является нейтральной к действиям на международной политической арене, необходимо предварительно рассмотреть действия, доказывающие ее нейтральность (прямые или косвенные); равно как и заявления (полные и неполные) для подтверждения нейтральности внешней политики определенной страны. Аналогичным образом проверяется и внешняя политика, занимающая позицию «против». Прежде всего, необходимо убедиться в целях, о которых заявляло государство (ясно ли было заявлено о протесте или это всего лишь видимость протеста), также, как и в принимаемых мерах (акты насилия или угрозы). И наконец, если внешняя политика государства одобряет действия на международной арене, необходимо убедиться в заявлениях, одобряющих действия других стран (было ли это обменом политических интересов или предложением каких-либо гарантий). В этой области используемые переменные и категории могут быть произвольными, но впоследствии могут привести к неверным результатам, отличающимся от истинной информации, которая могла бы помочь более сложному анализу.

Тем не менее, с 1972 года были проведены и другие исследования, направленные на классификацию внешней политики государств. В них использовались инструменты анализа, описанные Йенсом Наргером⁹⁴ в его книге, вышедшей в 2014 году под названием «Европейский Союз как сдерживающий фактор: нормативная сила Европы и ситуация с Индией» (*англ.* The European Union as a normative non-proliferation actor: Normative Power Europe and the case of India). В книге Йенс Наргер предлагает актуальный подход (хорошо подходящий к современной политике ЕС⁹⁵) для понимания видов внешней политики в XXI веке с юридической точки зрения, что составляет основу интересов и целей, преследуемых во внешней политике. Согласно его точки зрения, существует четыре типа внешней политики:

1. Нормативная внешняя политика: Йенс Наргер, базируясь на работе Натали Точки,⁹⁶ предполагает, что укрепление международного публичного права и международных организаций способствовало тому, что государства должны включить в свой внешнеполитический интерес необходимость соблюдения международных законов и договоров. Международное публичное право и международные организации составили ряд нормативных условий, которые государства должны соблюдать в своей внешней политике. В соответствии с ними националь-

---

⁹³ WRIGHT, Quincy. 1969. The form of discipline of international relations. In: James Rosenau (Ed.). International Politics and Foreign Policy. Free Press. США. С. 442–460.

⁹⁴ NÄRGER, Jens. 2014. The European Union as a normative non-proliferation actor: Normative Power Europe and the case of India. University of Tampere. Finland.

⁹⁵ MATHIAS, Albert; DIEZ, Thomas; STETTER, Stephan. 2004. The European Union and Border Conflicts: The Transformative Power of Integration. Paper presented at the ECPR Joint Sessions of Workshop in Uppsala. UK.

⁹⁶ TOCCI, Nathalie. 2008. Who is a Normative Foreign Policy Actor? The European Union and its Global Partners. Centre for European Policy Studies. Belgium.

ные интересы внешней политики стран должны отойти на второй план, а на первом плане должны стоять интересы мирового сообщества.

2. Имперская внешняя политика: Йенс Наргер считает, что иногда интересы внешней политики настолько важны для государства, что оно проводит свою внешнюю политику, не повинаясь законам, установленным международным публичным правом. Поэтому данное государство можно рассматривать как империалистическое. Оно не признает никаких правовых препятствий для продвижения своей внешней политики. Однако, это государство подчиняется национальным законам в области внешней политики.

3. Внешняя политика (*англ.* Foreign policy): основываясь на работах Натали Точки, Йенс Наргер полагает, что в свете «особых обстоятельств» интересы внешней политики настолько важны для государства, что оно проводит ее, используя все политические инструменты, которыми располагает (принудительные и не принудительные). На пути достижения своих целей государство не подчиняется законам, установленным международным публичным правом и национальным законодательством.

4. Внешняя политика (статус-кво): основываясь на работах Натали Точки, Йенс Наргер сделал вывод о том, что существуют государства, проводящие свою внешнюю политику в форме, схожей с «нормативной внешней политикой», однако данные государства не поддерживают в полном объеме положений, установленных международным публичным правом. Помимо этого, они регулярно находят в «юридических резервах» статьи международных законов, которые противоречат их национальным интересам, и, таким образом, государства делают заявления и объясняют причины своего противостояния в организациях, членами которых они являются.

Также существует модель Каи Ни,⁹⁷ которая сконцентрирована на современном опыте Китая и выделяет четыре вида внешней политики во времена кризиса: 1. Внешняя политика военного принуждения (применялась во время кризиса в Тайване в 1995 году). 2. Внешняя политика дипломатического принуждения (применялась, когда НАТО обвинило посольство Китая в бомбардировке Белграда во время войны на Балканах). 3. Внешняя политика, основанная на условном мире (*англ.* conditional accommodation) (применялась, когда североамериканский самолет-шпион EP3 столкнулся в воздухе с китайским самолетом в 2001 году). 4. Мирная внешняя политика (применялась в 1993 году, когда США заявили, что китайский груз являлся химическим оружием, ввозимым в Иран).

Параллельно существует теория Терри Дибела,⁹⁸ описанная в его работе «Обязательства во внешней политике США» (*англ.* Commitment in American Foreign Policy). Особое внимание в ней было уделено роли, которую играют политические обязательства, принятые в ходе реализации внешней политики. Также в книге описывается четыре вида внешней политики, по крайней мере, на политической сцене США: 1) правовая и формальная внешняя политика, характеризующаяся обязательствами, принятыми США на договорно-правовом уровне; 2) физическая внешняя политика, отличающаяся тем, что обстоятельства, принятые США, носили военный, экономический и сугубо личный характер;⁹⁹ 3) поведенческая внешняя политика, которая отличается обязательствами, принятыми США в результате исторической конъюнктуры, сложившейся в международной среде; и 4) психологическая внешняя политика, характеризующаяся обязательствами, принятыми США в результате конфликтов, сомнений и опасений, присутствующих в процессе разработки внешней политики.

---

⁹⁷ HE, Kai. 2012. Decision Making During Crises: Prospect Theory and China's Foreign Policy Crisis Behavior after the Cold War. University of Utah. EAI Fellows Program Working Paper Series No. 33. США.

⁹⁸ DIEBEL, Terry. 1980. Commitment in American Foreign Policy. National Defence University. США.

⁹⁹ Терри Девиль считает, что индивидуальное восприятие политической сцены со стороны президентов США играет важную роль в момент принятия обязательств, связанных с внешней политикой.

Кроме этого, существует модель, описанная Уолтером Расселом Мидом¹⁰⁰ в его книге «Особый промысел: американская внешняя политика и как она изменила мир» (*англ.* Special Providence: American Foreign Policy and How It Changed the World). В ней рассказывается о четырех видах внешней политики, существовавших в истории США:¹⁰¹

1) Внешняя политика Гамильтона (имеется в виду Александр Гамильтон), характеризующаяся прочными союзами между крупными компаниями, правительством, военными и теми, кто хочет, чтобы внешняя политика была проводником к достижению подобных целей. Такая внешняя политика имеет поддержку сильного национального правительства и мощной армии, которые должны проводить реалистичную мировую политику для поощрения глобального экономического развития, учитывая при этом интересы американских компаний в стране и за рубежом. 2) Внешняя политика Вильсона (имеется в виду Вудро Вильсон), отличающаяся идеалистическими принципами и предполагающая, что у США есть моральное обязательство распространять демократические и социальные ценности Америки в мире с тем, чтобы добиться мира во всём мире на базе верховенства закона. Внешняя политика Вильсона и Гамильтона схожи в необходимости проведения глобальной внешней политики. Однако, внешняя политика Вильсона направлена на продвижение демократии и прав человека в качестве основных элементов американской стратегии. 3) Внешняя политика Джефферсона (имеется в виду Томас Джефферсон), которая отличается уверенностью в том, что американские ценности настолько важны и специфичны, что должны находиться под защитой, избегая взаимодействия с другими странами и сведя до минимума количество своих обязательств. Кроме того, сторонники данной внешней политики имеют особый интерес в проведении США «либерального» изоляционизма, пусть и путем разрушения национальной безопасности. 4) Внешняя политика Джексона (имеется в виду Эндрю Джексон), отдающая приоритет безопасности и экономическому благосостоянию американского народа,¹⁰² сходная с популизмом.

Авторская модель классификации внешней политики была предложена Калеви Жакко Холсти.¹⁰³ В своей статье «От зависимости к диверсификации: Канада» (*англ.* From Dependence to Diversification: Canada) он сосредоточил внимание на изучении изменений, произошедших во внешней политике стран третьего мира после Второй мировой войны, выделив четыре типа внешней политики. Холсти оценил то, каким образом внешние факторы (международные и региональные) влияли на ориентацию, структуру и соразмерность внешней политики. Он уверен, что международная обстановка была поделена на уровни, и каждый уровень определенным образом влиял на различные этапы и структуры разработки и реализации внешней политики. Также он считал, что каждый уровень имел отдельную политическую направленность. Например, военная область – это уровень международной среды. Военные вопросы в международной среде влияют на организацию этапов и структуру внешней политики, поскольку правительство должно учитывать армию в процессе разработки и реализации внешней политики. На основе данных характеристик, Холсти выделил четыре идеальных вида внешней политики:

1) Изоляционная внешняя политика, когда государство не участвует в международных отношениях и также не приемлет отношений с другими государствами. В этом смысле государство не заключает никаких соглашений с другими государствами, например, на военном уровне, но, в то же время, практикует политику отстранения и на других уровнях.

---

¹⁰⁰ MEAD, Walter. 2002. Special Providence: American Foreign Policy and How It Changed the World. Routledge. США.

¹⁰¹ В оригинальном тексте У. Р. Мид рассказывает о пятом виде внешней политики Джефферсона Дэвиса. Данный вид внешней политики существовал в XIX веке в США и ее целью были сохранение и распространение рабства. Конечно, она прекратила свое существование после Гражданской войны в США.

¹⁰² OGRADY, Bill. 2012. The Archetypes of American Foreign Policy. (03–01–2015). http://www.raymondjames.com/markpalios/pdfs/120109_weeklygeo.pdf

¹⁰³ HOLSTI, Kalevi Jaakko. 1982. From Dependence to Diversification: Canada. In: Why Nations Realign: Foreign Policy Restructuring in the Postwar World. Allen and Unwin. UK.

2) Зависимая внешняя политика, когда государство не имеет иного выхода, кроме как устанавливать политические отношения с другими странами на торговом, культурном и дипломатическом уровнях. Это происходит в связи с недостатком собственных ресурсов и, следовательно, неспособностью государства быть самодостаточным. Таким образом, международная среда влияет и проникает в процессы разработки и реализации внешней политики.

3) Внешняя политика неприсоединения/диверсификации, когда государство имеет большое влияние за рубежом и развитые международные связи на различных уровнях со многими государствами. Однако данное государство стремится достигнуть баланса в сохранении суверенитета и избегает обязательств на военном уровне. 4) Политика государственного доверия, когда государство позволяет международной среде влиять на его внешнюю политику на конкретных стратегических уровнях, таких как торговля.¹⁰⁴

Кроме того, существует модель Карлоса Эскуде.¹⁰⁵ Он выдвинул делимитацию четырех типов внешней политики, связанных с поведением государственных представителей не только на международной арене, но и в отношении гражданского общества:¹⁰⁶

1) Государственно-ориентированная злокачественная внешняя политика, главной целью которой является рост военной мощи страны чаще всего за счет физической неприкосновенности граждан. В пример Карлос Эскуде приводит внешнюю политику Аргентины в годы Второй мировой войны. В то время в Аргентине существовала иллюзия автономии, и поэтому в период между 1942 и 1949 годами североамериканским правительством был объявлен экономический бойкот этой стране, нанесший огромный ущерб жителям государства.

2) Государственно-ориентированная, доброкачественная внешняя политика, целью которой является создание, с точки зрения государственного аппарата, экономически мощного государства на примере Мексики и Бразилии.

3) Элитоцентрализованная внешняя политика, которая стремилась к экономическому и политическому благополучию небольших групп (к примеру, такая, как внешняя политика аргентинских лидеров в 1880–1943 гг.).

4) Гражданско-централизованная внешняя политика, целью которой было расчистить путь перед ростом внешнеполитических препятствий. При этом жертвуется определенное количество государственной власти в интересах благополучия государства. С точки зрения Эскуде, в 90-е годы внешняя политика Аргентины вошла в последнюю категорию, так как она приблизилась к идеальному типу «торгового государства» Ричарда Розкранса,¹⁰⁷ жертвуя властью государства, закрывая военные проекты, вследствие чего страна перестает восприниматься опасной со стороны США и, таким образом, способствует своему экономическому росту.

Также существует документ, принадлежащий Университету Мен в Фармингтоне,¹⁰⁸ в котором с критикой говорится о том, что существует четыре «сомнительные» модели ведения внешней политики, выявленные на основе анализа внешней политики США, Европы, и мира в целом после окончания Первой мировой войны. Автор документа так и остался неизвест-

---

¹⁰⁴ DUGIS, Vinsensio. 2011. Explain Foreign Policy Change. (03–01–2015). http://mkp.fisip.unair.ac.id/index.php?option=com_content&view=article&id=66:explaining-foreign-policy-change&catid=34:mkp&Itemid=62

¹⁰⁵ ESCUDÉ, Carlos. 1995. El realismo de los estados débiles: La política exterior del primer Gobierno Menem frente a la teoría de las relaciones internacionales. GEL. Argentina.

¹⁰⁶ CORIGLIANO, Francisco. 2006. Veinte años no es nada: un balance de los debates teóricos acerca de la política exterior argentina. Facultad Latinoamericana de Ciencias Sociales – Sede Académica Argentina. Argentina.

¹⁰⁷ ROSECRANCE, Richard. 1987. La expansión del Estado comercial. Editorial Alianza. Spain.

¹⁰⁸ UNIVERSIDAD DE MAINE EN FARMINGTON. 2007. Lesson Plan Format. University of Maine at Farmington. College of Education, Health and Rehabilitation. (05–01–2015). <https://edu221spring12class.wikispaces.com/file/view/Spencer+Lesson+4.doc>

ным: 1) Внешняя политика, которая способствует изоляции государства обычно характеризуется тем, что избегает всех видов международных союзов и договоров. То есть правительство концентрируется непосредственно на внутренних делах государства, а все внешнеполитические решения напрямую связаны с желанием избежать каких-либо вмешательств за рубежом. Кроме того, в этом документе кратко анализируются попытки изоляционизма, которые были проведены в США для того, чтобы американская армия не вторгалась в другие страны, а была использована в качестве инструмента внешней политики; 2) Политика сдерживания (антисмягчения), которая возникает из-за ошибочной оценки пацифистски настроенных США и Европы в отношении фашистских диктаторов в период, предшествовавший Второй мировой войне. Этот вид внешней политики характеризуется ярко выраженным нежеланием признавать, что соперники и потенциальные враги вторгаются в области, представляющие стратегический интерес. Существовало несколько примеров политики сдерживания. Одним из них был период, когда США проводили такую политику, помогая Европе пропагандой, поставкой оружия и денег для того, чтобы поддержать появление антикоммунистических движений после Второй мировой войны для борьбы с экспансионистской угрозой со стороны СССР. 3) Внешняя политика сепаратизма (пример – Вьетнам), которая характеризуется заменой политики сдерживания на политику, схожую с изоляционистской. Например, во время Холодной войны Вьетнам переживал эту дихотомию, поскольку какое-то время он служил интересам США. Впоследствии, после американского поражения в 1975 году, эта страна не только склонилась перед изоляцией, преследуя интересы нового правительства, но и была вынуждена изолироваться от США и их союзников – это было своего рода наказанием и санкцией за поражение. 4) Внешняя политика, защищающая права человека, которая характеризуется тем, что государства обеспокоены соблюдением прав человека в мире. Это даже может служить оправданием для вмешательства во внутренние дела страны. Так случилось в 90-х годах, когда НАТО (*англ.* North Atlantic Treaty Organization) вмешалось в войну на Балканах, чтобы, среди прочего, остановить геноцид в Косово. Или как это случилось в 2004 году, когда США вторглись в Ирак под предлогом использования этой страной химического оружия против мирного населения. Стоит обратить внимание на то, что США используют свою гуманитарную помощь (к примеру, во время различных стихийных бедствий) в качестве политического инструмента, причем не менее эффективного, чем дипломатия и военная сила.

Также стоит отметить еще одну модель арабских политологов Корани и Дессоуки,¹⁰⁹ которые установили, что существует три основных вида внешней политики, основанных на участии государства в международных делах: 1) Изоляционная внешняя политика, которая характеризуется тем, что правительство (не государство) сводит к минимуму дипломатические контакты с остальными мировыми правительствами; 2) Внешняя политика неприсоединения, целью которой является достижение нейтральной позиции и отказ от установления союзнических отношений с мировыми сверхдержавами; 3) Внешняя политика, направленная на создание коалиций и союзов как стратегии для предотвращения конфликтов.

И, наконец, существует модель Аннет Фрейберг-Инан и Уильяма Читика.¹¹⁰ Они предложили восемь типов внешней политики исходя из оценки правительственных инициатив при решении вопросов участия (или неучастия) в международной политике. Данные инициативы имели как принудительную (поиск решений с помощью применения военной силы), так и добровольную форму (не используя военную силу или дипломатические меры) на многосторонних или двусторонних уровнях:

---

¹⁰⁹ KORANY, Baghat; DESSOUKI, Ali E. Hillal. 2008. Foreign Policy Approaches and Arab Countries: A Critical Evaluation and an Alternative Framework. The Foreign Policies of Arab States: The Challenge of Globalization. The American University in Cairo Press. El Cairo, Egipto. С. 39.

¹¹⁰ FREYBERG-INAN, Annette; CHITTICK, William. 2014. Basic Motives in foreign policy decision-making: Actor types and examples from the Peloponnesian war. Amsterdam, University. Holland.

1. Внешняя политика, основанная на принципе коллективной безопасности – главной ее особенностью является стремление государства активно участвовать в международной деятельности для обеспечения своей собственной безопасности. В этом случае государство прибегает к насильственным мерам и создает военные союзы и многостороннюю систему защиты для отражения всевозможных угроз, что увеличивает прочность и маневренность данного государства. Примером такой разновидности внешней политики может служить политика президента Венесуэлы Уго Чавеса, создавшего южноамериканскую армию для подавления угрозы интервенции со стороны США и НАТО.

2. Внешняя политика, основанная на принципе взаимной самообороны – характеризуется тем, что государство не стремится принимать активное участие в международной деятельности в целях своей собственной безопасности. Напротив, прибегая к насильственным, двусторонним и многосторонним мерам, оно пытается добиться мирных соглашений и соглашений по взаимной обороне с потенциально недружественным государством. В данном процессе создается союз, который не будет состоять в международном сообществе.

3. Внешняя политика, основанная на международном праве – государство стремится принимать активное участие в международной деятельности, но не пользуется политикой принуждения. Оно не создает дебаты и не проявляет политических инициатив для достижения своих государственных целей. Наоборот, оно использует международное публичное право в качестве инструмента их достижения.

4. Внешняя политика, основанная на защите граждан – данный тип основан на том, что государство не стремится принимать активного участия в международной деятельности в целях обеспечения защиты своих граждан. Защита граждан является делом государственной важности. Правом защиты своих граждан обладает каждое государство, но оно не является принудительным. Тем не менее, этот тип внешней политики задействует многосторонние механизмы для того, чтобы укрепить данное право, поскольку государства, заинтересованные в этой политике, ясно дают понять, что они готовы противостоять любой угрозе ради защиты своих граждан.

5. Внешняя политика свободной торговли: характеризуется стремлением государств принимать активное участие в международной деятельности, не прибегая к насильственным мерам для торговли с какой-либо страной мира. Это является односторонним решением в соответствии с нуждами государства.

6. Внешняя политика, направленная на изоляцию – государство не стремится принимать активное участие в международной деятельности и, следовательно, принимает односторонние решения и не оказывает никакого давления на другие страны мира.

7. Внешняя политика, направленная на предотвращение нападений – принцип данной политики состоит в стремлении государства принимать активное участие в международной деятельности в одностороннем и принудительном порядке. Это позволяет государству предотвратить какое-либо нападение или потенциальную угрозу. Чтобы предупредить данные ситуации, государство использует свои вооруженные силы и научный потенциал. Данный тип внешней политики был использован, когда Израиль нанес несколько упреждающих ударов по Палестине.

8. Внешняя политика, направленная на защиту территории – характеризуется заинтересованностью государства в участии в международной деятельности с целью защиты своих территорий. Для этого оно может использовать как насильственные меры, так и одностороннюю политику.

Основываясь на анализе всех вышеперечисленных документов, можно сделать вывод, что наиболее часто выделяемым видом внешней политики стала политика, направленная на

изоляцию государства. На самом деле нельзя не упомянуть, что данный тип внешней политики неоднократно использовался в истории США, когда эта страна стремилась изолироваться от государств, не представляющих реальной угрозы. Однако начиная с XIX века, США поддерживали политику интервенции в Латинскую Америку. Наибольшей интенсивности данная политика достигла в период Холодной войны.

На втором месте стоит внешняя политика, основанная на нейтралитете государства. Данный тип внешней политики существовал в государствах и королевствах на протяжении всей истории. И на сегодняшний день нежелание участвовать в войне признается Международным публичным правом. Кроме того, отношения между нейтральными и воюющими странами основаны на принципе, по которому нейтральные государства не должны занимать позицию ни одной из воюющих сторон, равно как и воюющие стороны должны уважать суверенитет нейтральных стран. Тем не менее, история показала, что могут существовать *«страны, не являющиеся в одно и то же время ни нейтральными, ни воюющими и не применяющие военные методы вмешательства в конфликты»*. Правила нейтралитета очень сложны и часто интерпретируются по-разному в зависимости от того, о какой стране идет речь: воюющей или нейтральной. Главным принципом является то, что граждане нейтральных стран могут проводить свободную торговлю с воюющими странами, но, если последние наложат запрет на торговлю, их решение необходимо уважать.

На третьем месте стоит политика военных союзов. Данный вид внешней политики, также имеющий древние истоки, является политическим соглашением, основанным на определенных взаимных обязательствах.¹¹¹ Хорошим примером такой политики являются военные союзы в 480 г. до н. э. Тогда жители некоторых небольших государств (спартанцы, афиняне, фиванцы, эвбейцы и другие) организовали военную лигу, которая разгромила императорский флот персидского царя Ксеркса при Саламине. Королевства, заключившие военное соглашение, так же, как и сегодня, направили все свои усилия и политику на достижение общей политически важной цели.

На четвертом месте находится экспансионистская внешняя политика, получившая широкое распространение на протяжении всей истории человечества. Нередко царства и государства стремились расширить свои территории или свое экономическое влияние на другие регионы, иногда применяя военную агрессию. Для достижения этих целей государства вторгались в другие страны под различными предлогами, например, под предлогом ирредентизма,¹¹² возмездия или воссоединения государств, тем самым оправдывая свою экспансию. Но они делали это только тогда, когда их главной целью было возвращение потерянных территорий или взятие под контроль исконных земель. Простые территориальные споры, такие, как вопросы определения границ, как правило, разрешались без экспансии. Но во многих случаях, пользуясь двусмысленностью этих терминов, их приближают к колониализму и империализму. Конечно, ученые выявили и другие формы внешней политики, однако, среди обилия документов, демонстрирующих различные точки зрения, переменные и инструменты анализа, эти четыре типа, как правило, сегодня являются самыми распространенными. Также можно сказать, что именно внешняя политика определяет то, какие использовать маневры, а не наоборот. Иначе говоря, сначала появилась внешняя политика, затем дипломатические стратегии и только потом – стратегии антидипломатические, о которых и пойдет речь.

---

¹¹¹ BUZAN, Barry; WAEVER, Ole; DE WILDE, Jaap. 1998. Security: A New Framework for Analysis. Boulder. Lynne Rienner. США.

¹¹² В широком смысле термин «ирредентизм» понимается как политика государства, выступающая за воссоединение территории, на которой проживает народ другого государства, но который считается своим по культурным, историческим, лингвистическим, расовым и другим мотивам.

1.01. Постдипломатия

Ключевые Слова: Безгосударственная дипломатия, Виртуальная дипломатия, Гиперглобалисты, Детерриториализация, Дипломатический след, Дипломатия 2.0, Единая страна, Кибердипломатия, Конец дипломатии, Медиадипломатия, Наднациональный союз, Невидимый континент, Онлайн дипломатия, Постдипломатия, Сетевая дипломатия, Твитпломатия, Территориальность, Технодипломатия, Технологическая дипломатия, Цифровая дипломатия, Электронная дипломатия.

Варианты толкования термина «дипломатия», как правило, не столь разнообразны. Исходя из них, можно предположить, что ведущая роль в дипломатии принадлежит государству. Однако есть и несогласные с этим. Дело в том, что существуют дипломатические феномены, выходящие за рамки государственности. В данном ключе Гилламе Девин и Мари Торнквист-Чеснер¹¹³ считают, что, рассуждая о современной роли нецентральных правительств, предпринимательского сектора, некоммерческих организаций и институтов, составляющих политическую систему любого государства, можно сказать, что они преследуют международные цели. Более того, для достижения этих целей данные участники международных отношений применяют непростые дипломатические тактики и стратегии. Таким образом, концепция «дипломатии» должна пройти еще огромный путь, чтобы ее начали воспринимать как самостоятельную систему, поскольку среди ученых бытует мнение, что дипломатия представляет собой лишь набор принципов. Одним из них, по словам Гиллем и Торнквист-Чеснер, является непрерывное развитие дипломатии, которое подтверждает череда важнейших изменений, произошедших в последние годы и оказавших значительное влияние на всю международную среду. Данное предположение не осталось без внимания мировых научных сообществ. В их многочисленных трудах, непосредственно связанных с этими тенденциями, выдвигается предположение, что историю дипломатии можно условно разделить на два периода. В прошлом дипломатия выделяла дипломатическую деятельность, отвечающую требованиям международной среды, и деятельность, основывающуюся на традиционных методах. Обе разновидности были направлены на достижение мира, но в основе своего пути пользовались различной логикой. Более того, складывалось впечатление, что традиционные методы уже устарели и явно уступали новым. Современное положение дел приписывает новый контекст дипломатии и «низвергает» устаревшие методы тех времен, когда государства действительно выступали главными участниками международных отношений. Современная история вынуждает дипломатию переходить на новый этап и адаптироваться к новым реалиям. Таким образом, в современных условиях государства вынуждены разделять свои взгляды с другими участниками международных отношений, а также принять тот факт, что бывшее понятие межгосударственной вражды сменилось явлением экономического соперничества. Дипломатия была создана для того, чтобы избежать враждебности между государствами, и теперь, благодаря ей, между участниками международных отношений устанавливается как сотрудничество, так и экономическая конкуренция.

Такая смена курса еще раз демонстрирует масштабы произошедших изменений. В целом дипломатия эволюционировала, однако часть ее все равно осталась нетронутой. В попытке научно описать данные процессы использовались различные понятия. Например, были предложены такие термины, как «**Новая дипломатия**» (*англ.* New Diplomacy) и «**Неодипломатия**» (*англ.* Neo Diplomacy). Тем не менее, значительная часть ученых склоняется к тому, чтобы отказаться от приставок «новая» и «нео», поскольку современная дипломатия, по большому

---

¹¹³ DEVIN, Guillaume; TOERNQUIST-CHESNIER, Marie. 2010. Burst diplomacy. The diplomacies of foreign policy: actors and methods. In: Brazilian Political Science Review. Vol. 4. No. 2. Brazil.

счету, не является обновленной версией предыдущей, а, скорее, ее логическим продолжением. Поэтому предпочтительным становится префикс «пост», означающий «после», как наиболее подходящий в рамках данной концепции. Благодаря этой концептуальной особенности термин **«Постдипломатия»** (англ. Post-Diplomacy) приобретает различные значения, что затрудняет его понимание в научных кругах. Тем не менее, данную многозначность нельзя рассматривать в отрыве от исторической перспективы и изменений, происходящих в дипломатии. Иначе говоря, «Постдипломатия» как концепция отразила в себе идею трансформации, но не смогла продемонстрировать, что же конкретно изменилось в самой дипломатии. Как следствие, различные научные сообщества признали концепцию «Постдипломатии» и нашли ей наилучшее применение, какое только могли найти.

Во-первых, термин «постдипломатия» применялся *«неофициально, но в строгом порядке для описания исторических этапов, последующих формированию Европейского союза, когда традиционные политические вопросы, ранее прорабатывавшиеся в государственных посольствах, перешли в разряд полномочий Европейского парламента, Европейского совета, Совета Европы и Европейской комиссии»*.¹¹⁴ В ходе политического объединения стран Евросоюза стали появляться наднациональные политические инстанции, изменившие порядок принятия внешнеполитических решений в каждом из государств. Как результат, данные наднациональные институты получили доступ к обсуждению тех политических проблем, которые прежде обсуждались на более низком уровне. Именно поэтому посольствам стран-членов Евросоюза пришлось разделить часть своих полномочий с этими институтами, и их роль во внешней политике государства стала уже не столь значимой, как это было ранее. С появлением наднациональных институтов послы также утратили свои позиции, поскольку главы государств-членов Европейского союза (ЕС) стали прибегать к помощи собственных представителей в институтах при решении государственных политических вопросов. Иными словами, главы государств, скорее всего, отправлялись на встречу с высокопоставленными представителями, организованную наднациональными институтами с целью обсудить с соседними государствами вопросы национального и регионального характера, оставив в стороне собственные посольства как менее важных участников внешней политики. Политическая значимость послов снизилась еще и с появлением так называемых «секторальных отделов». Они относились к наднациональным институтам и появлялись в различных городах мира, представляя интересы ЕС. С 1979 года «секторальные отделы» начали работать на децентрализованной основе, избрав другой политический курс, что противоречило интересам посольств, расположенных в других частях мира. Противостояние между «отраслевыми ведомствами» и посольствами объяснялось, отчасти, тем, что они находились на разных дипломатических уровнях. В то время как «отраслевым ведомствам» значительные квоты суверенитета предоставлял Евросоюз, посольства их получали от своего государства. Этот дисбаланс обусловил конкуренцию между «отраслевыми ведомствами» и посольствами, поскольку последние не имели такой же политической значимости. Борьба за лидерство началась еще и потому, что посольства осуществляли свою деятельность без непосредственного взаимодействия с «отраслевыми ведомствами», вследствие чего оба института утратили прежнее политическое и административное влияние и исказили «унитарный» образ ЕС. Для решения данной проблемы в 2009 году был исправлен «Лиссабонский договор, вносящий изменения в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества»,¹¹⁵ а также созданы делегации Европейского союза и Европейские посольства, заменившие «отраслевые ведомства» и взявшие на себя ответственность представлять ЕС в странах третьего мира и международных организациях под покровитель-

¹¹⁴ BOERSNER, Demetrio. 2003. Nuevo orden internacional. Instituto de Altos Estudios Diplomáticos Pedro Gual. Ministerio de Relaciones Exteriores de la República Bolivariana de Venezuela. Recopilación de sus clases en la Materia: Nuevo Orden Internacional. Correspondiente a la Maestría de Relaciones Exteriores. Venezuela.

¹¹⁵ Англ. Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community.

ством «Высокого представителя Европейского союза по вопросам внешних сношений и политики в области безопасности», а также «Европейской службы внешней политики». Вступление в силу данного договора унифицировало систему внешнего представительства ЕС и установило взаимодействие между делегациями Европейского союза и посольствами. Более того, были разграничены сферы деятельности посольств и делегаций Европейского союза. К примеру, делегации Европейского союза стали заниматься организацией и проведением «официальных приемов» высокопоставленных лиц ЕС, в особенности Председателя Европейского совета, членов Европейской комиссии или депутатов Европейского парламента. В свою очередь, посольства продолжали отвечать за организацию и проведение «официальных визитов» глав своих государств и высокопоставленных государственных лиц. Лиссабонский договор разграничил роли обеих инстанций, но, по функциональным причинам делегации Европейского союза обладали некоторым преимуществом (или большей политической значимостью) перед представителями посольствами. Во избежание соперничества между инстанциями появилась необходимость в создании системы иерархии. Таким образом, бюрократические структуры делегаций Европейского союза, включающие в себя Главу делегации и других дипломатов, стали осуществлять деятельность в соответствии с юридическими и политическими механизмами Европейской службы внешней политики; а бюрократические структуры посольств стали действовать под попечительством министерств иностранных дел своих стран. Договор также обеспечил дипломатам ЕС преимущество обсуждать вопросы «высокой политики» с государствами, на территории которых располагались штабы делегаций Европейского союза, оставляя посольства в категории «низкой политики». В итоге, Договор позволил посольствам свободно взаимодействовать с государствами своего местопребывания и обсуждать внешнеполитические цели своего государства, принимая во внимание новые политические ограничения, установленные делегациями Европейского союза.

На первый взгляд изменения, произошедшие в Евросоюзе, отражали переход от старой дипломатической структуры к новой, способствующей необходимому симбиозу внутренней и внешней политики, развивающей идею общей внешней политики и повышающей авторитет ЕС в мире.¹¹⁶ Однако по мнению научных сообществ, данные изменения не могут расцениваться как финальный этап становления европейской дипломатии. Как раз наоборот – они могут означать лишь еще один пройденный шаг на пути к появлению должности «Исключительного посла»,¹¹⁷ который бы представлял весь Евросоюз и вел **«Безгосударственную дипломатию»** (англ. Stateless Diplomacy). Основной чертой безгосударственной дипломатии становится то, что дипломаты отказываются от своего первоначального гражданства, чтобы осуществлять представительство ЕС внутри самого Европейского союза и за его пределами;¹¹⁸ а система внутренних переговоров носит «постдипломатический» характер, поскольку дипломаты не ограничены рамками государств, к которым они принадлежат.¹¹⁹ Если расценивать Евросоюз как альтернативу национальному государству или доказательство развития государств,¹²⁰ его систематический прогресс в укреплении политической целостности и стремление принимать единоличное участие в политическом сценарии может привести к исчезновению двойственности его дипломатического представительства. По словам Оуэна Джона, исчезнове-

¹¹⁶ TIGAU, 2009. *Op. Cit.*

¹¹⁷ TORREALBA, Alfredo. 2006. Enfoque de la Neodiplomacia en Venezuela. Caso Ministerio de Relaciones Exteriores de la República Bolivariana de Venezuela. Periodo 1999–2005. Ministerio de Relaciones Exteriores de la República Bolivariana de Venezuela. Instituto de Altos Estudios Diplomáticos Pedro Gual. Venezuela.

¹¹⁸ BRUTER, Michael. 1999. Diplomacy without a State: The External Delegations of the European Commission. In: *Journal of European Public Policy*. Jun. C. 183–205.

¹¹⁹ HOCKING, Brian. 2004. *Diplomacy*. In: CARLSNAES, Water; SJURSEN, Helene; WHITE, Brian. 2004. *Contemporary European Foreign Policy*. Sage publications. США. С. 92.

¹²⁰ STREECK, Robert. 1998. *Evolución De Las Relaciones Entre México y la Revolución Europea*. Fondo de Cultura Económica. Mexico. С. 315.

ние данной двойственности станет «постдипломатическим» фактором, характерным для интеграционных проектов, достигающих уровня «**Единой страны**» (*исп. País Único*),¹²¹ «**Многонационального государства**» (*англ. Plurinational State*)¹²² или «**Наднационального союза**» (*англ. Supranational Union*).¹²³ На этих уровнях добровольное объединение государств позволяет стирать государственные границы и долю национальной самобытности, чего не происходит в «Федеративном государстве», «Союзном государстве» или «Национальном государстве».

Джон Оуэн считал, что в рамках теории объединения государств, в особенности говоря об экономической перспективе, вместо того, чтобы проходить через восемь исторических этапов (преференциальная область, зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, единый рынок, экономический союз, валютный союз и полная интеграция), государства-члены ЕС могли сразу выйти на уровень «единой страны», где политическое объединение приводит к утрате дееспособности посольств и полному отсутствию необходимости в них. Предположение Д. Оуэна в некоторой степени дополняет исследовательскую модель Тео Гитириса и Хосе Валлеса,¹²⁴ в которой рассматриваются пять этапов, через которые, по их мнению, прошел Европейский союз, чтобы достичь своего нынешнего статуса. Среди них: зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз и полная экономическая интеграция. Но новизна идеи Д. Оуэна состоит в том, что в своей работе он опирается на опыт интеграции стран Латинской Америки, в ходе которой выделяет дополнительные предшествующие и последующие этапы, используя более широкие исторические временные рамки. К примеру, в процессе стремительного преобразования таких организаций, как Андское сообщество наций (*исп. Comunidad Andina, CAN*, или *англ. Andean Community of Nations, ACN*) и МЕРКОСУР (*Mercosur*, сокращение от *исп. Mercado Comun del Sur*, что переводят как *Южноамериканский общий рынок*), когда, с точки зрения консульского права, постепенно стирались границы государств, дипломатические структуры данных государств «неизбежно» стремились к объединению административных ценностей и принципов, которые, как и в случае ЕС, заменили бы государственные посольства «союзными посольствами». Д. Оуэн считал, что ЕС использует дипломатическое представительство для уменьшения числа собственных обязательств, чем объясняется постепенное вытеснение со своих позиций посла и государственного посольства и их замена должностными лицами института, более заинтересованными в делах ЕС. Например, в 1981 году данная тенденция была отмечена в консульских кругах ЕС, когда права и обязанности граждан стран-членов Евросоюза в вопросах национального консульства сменились на другие гражданские права и обязанности регионального консульского характера.¹²⁵ То же самое произошло и в Южной Америке, когда началось консульское регулирование в МЕРКОСУР в 1995 г. и в Андском сообществе наций в 2001 г. В каждом из случаев произошла гомогенизация консульской среды, что повлекло за собой сокращение консульских полномочий в каждом из государств-участников проекта интеграции. В целом эти изменения предпола-

¹²¹ WEN, John. 2003. Teoría De La Integración. Instituto de Altos Estudios Diplomáticos Pedro Gual. Ministerio de Relaciones Exteriores de la República Bolivariana de Venezuela. Recopilación de sus clases en la Materia: Teoría de la Integración. Correspondiente a la Maestría de Relaciones Exteriores. Venezuela.

¹²² KEATING, Michael. 2002. Plurinational Democracy in a Post-Sovereign Order. In: Queen's Papers on Europeanisation. No. 1. European University Institute. University of Aberdeen. UK. С. 10.

¹²³ Рекомендуется к прочтению статья Джона Лафлина «Автономия Западной Европы: сравнительное исследование», в которой он проводит сравнительное исследование типов концепций государства и их связи с европейскими государствами. См. LOUGHLIN, Jhon. 1998. La autonomía en Europa Occidental: un estudio comparado. С. 109–160. In: LETAMENDÍA, Francisco. Nacionalidades y Regiones en la Unión Europea. См. KILJUNEN, Kimmo. 2004. The European Constitution in the Making. Centre for European Policy Studies. Bélgica. С. 21–26.

¹²⁴ HITIRIS, Theo; VALLÉS, José. 1998. Economía de la Un Europea. Prentice Hall. Spain.

¹²⁵ Резолюция представителей правительств государств-членов Европейского сообщества. Встреча с членами совета 23 июля 1981 г. Resolution of the Representatives of the Governments of the Member States of the European Communities, meeting within the Council of 23 June 1981.

гают существование «глубинных сил»,¹²⁶ которые вытесняют традиционную дипломатическую практику и теперь подбираются к посольствам, а в особенности, к послам. В Европе данные процессы уже начали протекать, поскольку Евросоюз уже продемонстрировал новую модель дипломатического поведения, в котором нет единого участника, а присутствует сеть, отличающаяся расплывчатой структурой власти, которая, по словам Стеффена Бая Расмуссена,¹²⁷ выстраивает своего рода «Постгосударственную дипломатию».

Во-вторых, термин «постдипломатия» применяется относительно постепенной замены посольств и консульств национальными представительскими институтами. Основная идея связана с историческими процессами завоевания или колонизации одних государств другими, или же их объединения. В качестве примера можно взять эпоху английской, португальской, испанской и голландской колонизации. С XVI по XX век монархи упреждали появление международных институтов на завоеванных территориях и заменяли их институтами национального контроля. Аналогичным образом в 1989 году падение Берлинской стены ознаменовало не только окончание Холодной войны и распад СССР, но и исторический момент объединения двух немецких стран. Различия структур институтов Федеративной Республики Германия (ФРГ) и Германской Демократической Республики (ГДР) были связаны с различными экономическими, политическими и административными моделями, введенными политическими элитами. С одной стороны, институт ГДР строился на однопартийной системе социалистического лагеря, в то время как институт ФРГ основывался на парламентской системе капиталистического строя. Благодаря данным различиям процесс воссоединения не стоил больших политических затрат для Западной Германии в основном по причине того, что из-за упадка сил политических элит Восточной Германии они могли «практически беспрепятственно» ввести интеграционную политику на всей территории страны. Таким образом политические элиты ФРГ взяли в свои руки инициативу экономического, политического, торгового, финансового и военного объединения стран. Однако их деятельность в международной среде была, в первую очередь, направлена на низвержение авторитета всех посольств, консульств и представительских институтов ГДР в мире. В то же время они заморозили собственную внешнюю политику и уже установившиеся дипломатические связи с другими государствами для установления политического контроля над международными отношениями нового национального государства. Интересен сам факт того, как политические элиты ФРГ стали постепенно замещать внешнеполитические интересы ГДР новыми национальными интересами, а консульские службы – институтами национального характера.¹²⁸ Благодаря данному политическому объединению граждане ГДР приобрели новое гражданство и те же гражданские права и обязанности, что и другие жители страны и Евросоюза. То же произошло в 2014 году, когда к территории России присоединилась Автономная Республика Крым (бывшая территория Украины). В данном случае Россия начала массовую процедуру «замены гражданства» более двух миллионов жителей Крыма. И, как и в случае Германии, Россия предоставила гражданство, а также все гражданские права и свободы своим новым гражданам.

Такой расклад событий наводит на мысль о том, что дипломатические структуры Германии и России вышли на новый уровень, достигнув единства своей внешней политики и политической направленности присоединенных территорий, отказавшись от устаревших методов

---

¹²⁶ Понятие «глубинные силы» (исп. *Fuerzas Profundas*) принадлежит Деметрию Боецнеру и относится к ряду явных и скрытых политических тенденций в международных отношениях, провоцирующих серьезные изменения. См. BOERSNER: 2003. *Op. Cit.*

¹²⁷ BAY RASMUSSEN, Steffen. 2006. La diplomacia pos-soberana de red de la UE hacia sus vecinos del Este. Hacia un nuevo concepto de diplomacia. (16–01–2015). <http://www.diprrihd.ehu.es/revistadoctorado/n4/Bay.pdf>

¹²⁸ Важно отметить, что были приложены значительные усилия, чтобы утратить источники данных аргументов. Тем не менее, в них изложены наиболее важные идеи, собранные небольшой группой латиноамериканских писателей в начале 90-х годов XX века, описывавших в газетных изданиях свою точку зрения относительно дипломатических последствий окончания Холодной войны.

дипломатии. Подобные случаи исторического перехода получили название «**единая власть**» (исп. *Poder Único*) – своего рода всеохватывающая сила, концентрирующая политическую власть на легальных, военных и экономических основах, относящаяся к категории международных субъектов и замещающая бюрократический компонент дипломатии на территории. Данные дипломатические изменения свидетельствуют о приближении «постэпохи», то есть эпохи, следующей за ранее установившемся административно-дипломатическом статусе-кво, который уже прекратил свое существование, поскольку необходимость в нем отпала с появлением новой «единой власти». Искаженная парадигма приобретает новые коннотации в консульской среде, и если судить по опыту России и Германии, то консульство стало первой инстанцией в очереди «на вылет», поскольку в первую очередь консульства находились на пути «единой власти».

В отличие от министерств иностранных дел, посольств и дипломатического протокола, необходимость в консульствах начинает появляться в XVIII веке по мере того, как миграция стала угрожать безопасности, национальной самобытности и экономическому развитию государств. Поэтому бывшие королевства начинают внедрять механизмы разграничения прав и обязанностей граждан своей страны и иностранных граждан. Впоследствии консульства начинают приобретать репутацию наиболее значимого фактора, безошибочно демонстрирующего фактический суверенитет нации, а также независимость и автономию центрального правительства. По данному принципу можно было понять, почему политические элиты ФРГ и России моментально «забыли» о консульствах на присоединенных территориях. Ведь если бы этого не произошло, то можно было бы утверждать, что ГДР и Крым уже обладали «суверенитетом». Таким образом, путь к «постэпохе» в дипломатии проходил в несколько этапов: 1) замена гражданских прав и свобод жителей присоединенных территорий новыми правами и свободами; и 2) предоставление нового гражданства – шаг для установления политического контроля и замены старой административно-дипломатической структуры в этих регионах.

В-третьих, термин «Постдипломатия» использовался в качестве синонима идеи «**Конца дипломатии**» (*англ. End of Diplomacy*), предложенной Полом Шарпом и Джо Кларком в 1997 году¹²⁹ в качестве провокационной фразы, описывающей то, как принцип «**Территориальности**» (*англ. Territoriality*)¹³⁰ утратил свою силу на международной арене. Появление новых участников международных отношений в середине XX века снизило и смягчило значение границ, суверенитета и отношений между центральными правительствами, нецентральными правительствами и другими «негосударственными» участниками.¹³¹ В первую очередь эти новые участники заняли политическое пространство, ранее находившееся во власти таких дипломатических институтов, как министерство иностранных дел или посольство; и в своей дипломатической деятельности нередко на международной арене достигали той же политической значимости, что и государства. По словам Мануэля Дюрана,¹³² данная тенденция свидетельствует о трансформации, адаптации и изменениях в международных отношениях. Более того, она при-

---

¹²⁹ SHARP, Paul; CLARK, Joe. 1997. The End of Diplomacy? In: *International Journal* 52(4): США. С. 539–736.

¹³⁰ Идея «территориальности» появляется на пике объединения нескольких общественных дисциплин и некоторых естественных наук. «Корни» территориальности произрастают из географии, биологии, психологии, антропологии, политологии, социологии, истории и др. Но, в конечном счете, рассматривая связь между территориальностью и человечеством, можно разделить все учения на две большие категории: тех, кто считает, что человеческая среда отличается от среды животных; и тех, кто считает, что это один и тот же феномен. Таким образом, для некоторых человеческая среда – это инстинктивная потребность человека охранять территорию своего обитания, для других проще говорить об особенностях человеческой культуры, влияние которой усиливается в более сложном обществе, тем более внутри государства. См. CAIRO CAROU, Heriberto. 2001. *Territorialidad y fronteras del estado-nación: Las condiciones de la política en un mundo fragmentado*. Departamento de Ciencia Política y de la Administración. Universidad Complutense de Madrid. *Política y Sociedad*. No. 36. Spain. С. 29–38.

¹³¹ RUDOLPH, Christopher. 2005. Sovereignty and Territorial Borders in a Global Age. In: *International Studies Review* 7. С. 1–20.

¹³² DURAN, Manuel. 2013. Sub-state diplomacy as a motor of reterritorialization? The case of the Mediterranean region. *Universidad de Amberes*. Belgium.

вела к изменению восприятия «международного пространства и времени», поскольку мировая политика всячески старается проложить «**Посттерриториальный**» (*англ.* Post-Territorial) дипломатический путь¹³³ без границ.¹³⁴ Таким образом, дипломатическая деятельность также не осталась незатронутой, так как достаточная часть ее бюрократических структур строится по принципу «территориальности» как на «фундаменте», на основе которого можно действовать. Поэтому, чтобы сменить концепцию «территориальности» как основополагающего принципа международной политической и социальной жизни, дипломатическим институтам придется потрудиться, чтобы их бюрократические структуры отвечали требованиям нового «пост» сценария, оказавшегося перед ними; а также столкнуться с упадком национального государства¹³⁵ или его возможным исчезновением, вероятность которого становится все выше.¹³⁶ «Территориальность» и дипломатия уже не обладают той же ценностью, что раньше.¹³⁷ Дипломатия перебазировалась на новый «фундамент», более многогранный, с которого принцип «территориальности» был смещен другим, более старым принципом под названием «**Детерриторизация**» (*англ.* Deterritorialization). Данный термин был сформулирован французскими философами Жилем Делезом и Феликсом Гваттари в книге «Анти-Эдип» (“L'Anti-Œdipe”) в 1972 году.¹³⁸

Идея детерриторизации предполагает, что принцип «территориальности» теряет свою значимость в государственных и международных политических делах. «Детерриторизация»¹³⁹ предполагает разрыв связи между местом событий и историей: «*территориальную амнезию, которая ведет к странностям и деструктуризации*». Дипломатия в таком случае приобретает новое значение, поскольку традиционные дипломатические методы не могут остаться прежними и должны коренным образом измениться, чтобы работать в «мире без границ»¹⁴⁰ и без послов. Например, Джордж Кеннан¹⁴¹ считает, что усилия, направленные на изменение сути дипломатии, всего лишь предоставили миру возможность взглянуть на «рассвет» дипломатии «без дипломатов». Тем временем Пол Шарп¹⁴² ответил то же самое, когда его спросили: «А для чего вообще сейчас нужны дипломаты?» Кеннан и Шарп фактически

¹³³ COOLSAET, Rik. 1999. The transformation of diplomacy at the threshold of the new millennium. Leicester Diplomatic Studies Programme: Discussion Papers 48.

¹³⁴ CEGLOWSKI, Janet. 1998. Has Globalization Created a Borderless World? Business Review (Mar–Apr): С. 17–27.

¹³⁵ LANGHORNE, Richard. 1998. Diplomacy Beyond the Primacy of the State. In: Diplomatic Studies Program. University of Leicester 43. UK., С. 1–11. См. BERGER, Mark. 2001. The Nation-state and the Challenge of Global Capitalism. Third World Quarterly 22(6). С. 889–907.

¹³⁶ JOUVE, Bernard; ROCHE, Yann. 2006. Des flux et des territoires. Vers un monde sans états? Québec. Presses de l'Université du Québec. Canada.

¹³⁷ ANTONSICH, Marco. 2009. On Territory, the Nation-state and the Crisis of the Hyphen. Progress in Human Geography 33. США. С. 789.

¹³⁸ DELEUZE, Gilles; GUATTARI, Felix. 1972. Capitalisme et Schizophrénie I: L'anti-Œdipe. Les Editions de Minuit. France.

¹³⁹ Необходимо отметить, в исследовательских целях, что антонимом данного понятия является «ретерриторизация». «Ретерриторизация» (или возрождение значимости принципа территориальности) – это тенденция восстановления и укрепления самобытности и территориальной целостности региона. Иными словами, граждане восстанавливают связь со своей историей, обычаями и традициями независимо от места своего пребывания. Однако термин также может означать ситуации, когда территориальные фигуры утрачивают свою значимость в пользу новых территориальных образований. См. SCHOLTE, Jan Aart. 2000 Globalization. St. Martin's Press. США. С. 60). К примеру, когда появляются новые политические центры, охватывающие сферу влияния более древних. Новые центры могут принять форму новых независимых государств, международных организаций, процессов региональной интеграции или наднациональных институтов. См. KEATING: 1999. *Op. Cit.* См. DURAN: 2013. *Op. Cit.* См. GIMÉNEZ, Gilberto. 2011. Cultura, territorio y migraciones. Aproximaciones teóricas. In: Alteridades, 11. С. 5–14.

¹⁴⁰ HAMILTON, Keith; LANGHORNE, Richard. 1995. The Practice of Diplomacy: Its Evolution, Theory and Administration. Routledge. UK.

¹⁴¹ KENNAN, George. 1997. Diplomacy without diplomats? In: Foreign Affairs. No. 76. In: HAMILTON, Keith; LANGHORNE, Richard. 1995. The Practice of Diplomacy: Its Evolution, Theory and Administration. Routledge. UK.

¹⁴² SHARP, Paul. 1998. Who needs diplomats? The problem of diplomatic representation. (23–03–2015). <http://www.diplomacy.edu/resources/general/who-needs-diplomats-problem-diplomatic-representation>

подтвердили, что преобразования внутри дипломатии обходятся недешево, поскольку в процессе изменений некоторые составляющие дипломатии уходят в прошлое и перестают быть востребованными. Их точку зрения поддержали научные сообщества США в конце 90-х годов XX века, воодушевленные стремительно возрастающей ролью Интернета как средства массового распространения неправительственных организаций во всем мире. Опасения и тревоги относительно будущего дипломатии впоследствии перестали беспокоить, хотя остались те, кто подозревает, что у дипломатических институтов присутствуют «серьезные проблемы», поскольку долгие годы они основывались на идеях представительства и территориальности, которые на сегодняшний день представляют собой нечто совершенно новое.

В-четвертых, и в продолжение предыдущих рассуждений, термин «постдипломатия» используют, говоря о периоде времени, в который дипломатия, отличавшаяся ведущей ролью национальных государств, сменилась следующим этапом – «постдипломатией», ознаменовавшейся зарождением новых дипломатических взаимосвязей и, как результат, появлением новых участников международных отношений. Первым начал рассматривать проблему с данного ракурса Иньяки Агирре в 1999 году в своей работе «В чем смысл парадипломатии? Исследование между строк в поисках определения» (*англ.* Making sense of Paradiplomacy? An intertextual enquiry about a concept in search of a definition).¹⁴³ В данной работе Агирре заметил, что во второй половине XX века нецентральные правительства развернули международную деятельность, которая не только развивалась параллельно с дипломатией государств, к которым они принадлежали, но и продемонстрировала, что традиционные международные отношения претерпели серьезные изменения. На первый взгляд традиционная деятельность нецентральных правительств демонстрировала разрыв исторической линии дипломатии. Дело в том, что на сегодняшний день такие государства, как США, Канада и Испания обязаны вести внешнюю политику на международной арене, в то время как их субъекты и города действуют абсолютно независимо на той же арене, преследуя собственные региональные интересы. Допустим, у штата Техас (США), провинции Квебек (Канада) и Каталонии (Испания) имелись собственные международные интересы, которым они следовали, не согласовав свои действия с министерствами иностранных дел своих стран. Таким образом эти страны сообщали миру, что существует официальная государственная дипломатия и дипломатия регионов, что говорит о двойственности, которая идет вразрез с наиболее ортодоксальными постулатами дипломатии. Поэтому предполагается, что дипломатия перешла на новый уровень, который, по словам Агирре, может называться «постдипломатия». На этом новом уровне была оставлена позади логика традиционной дипломатии, где главными действующими лицами были государства. В соответствии с новой логикой нецентральное правительство развивает собственную дипломатию параллельно со своим государством благодаря необходимости интернационализировать региональную политику и необходимости принять региональную политику других нецентральных правительств, располагающихся в других государствах.¹⁴⁴

---

¹⁴³ AGUIRRE, Iñaki. 1999. Making sense of Paradiplomacy? An intertextual enquiry about a concept in search of a definition. In: ALDECOA. Francisco; KEATING, Michael. 1999. Paradiplomacy in Action, the Foreign Relations of Subnational Governments, Frank Cass. UK.

¹⁴⁴ AGUIRRE: 1999. *Op. Cit.* 205–206. См. VALLEJO OLVERA, Marcela López. 2002. Federalismo y relaciones internacionales: comparación de la actividad internacional de unidades federadas en Canadá y Estados Unidos. Universidad de las Américas Puebla. Mexico. С. 53.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.